

Тамила Халилова

НОВАЯ ПАРАДИГМА СЕВЕРНОГО МАРШРУТА В СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Азиатская Академия Наук

Asian Academy of Sciences

Тамила Халилова

НОВАЯ ПАРАДИГМА СЕВЕРНОГО МАРШРУТА В СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Халилова Т.Ш. Новая парадигма северного маршрута в системе великого шёлкового пути в античную эпоху. Азиатская Академия Наук. SWB, Гонконг, 80 с.

Представленная брошюра посвящена реконструкции северного маршрута Великого шёлкового пути через сухопутные Мангышлакский и Апшеронский пороги на основе палеогеографической модели Каспийского региона в античный период. Работа выполнена на стыке исторической географии, источниковедения (античные и древнекитайские письменные памятники), археологии, геологии, палеогеографии и климатологии. Такой междисциплинарный подход соответствует современным стандартам комплексных историко-географических исследований. В работе предлагается новая теоретическая модель функционирования трансконтинентальных коммуникаций Великого шёлкового пути в пределах Каспийского региона.

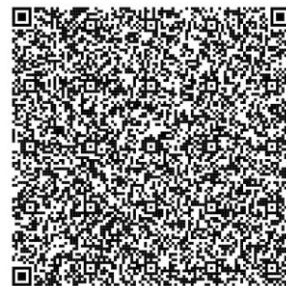
Результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории международных отношений, экономике и культурному обмену Евразии, а также в курсах лекций по исторической географии, археологии и источниковедению.

ISBN 978-9952-451-12-2

9 789952 451122

2026

Азиатская Академия Наук

Asian Academy of Sciences

Tamila Khalilova

A NEW PARADIGM OF THE NORTHERN ROUTE IN THE GREAT SILK ROAD SYSTEM DURING ANTIQUITY

Khalilova T.Sh. A new paradigm of the northern route in the great silk road system during antiquity. Asian Academy of Sciences. SWB, Hong Kong, China, 2026, 80 p.

This brochure is devoted to the reconstruction of the northern route of the Great Silk Road across the land Mangyshlak threshold based on a palaeogeographic model of the Caspian region in the ancient period. The work lies at the intersection of historical geography, source studies (ancient and ancient Chinese written records), archaeology, geology, palaeogeography and climatology. Such an interdisciplinary approach corresponds to the current standards of comprehensive historical-geographical research. The study proposes a new theoretical model for the functioning of the transcontinental communications of the Great Silk Road within the Caspian region.

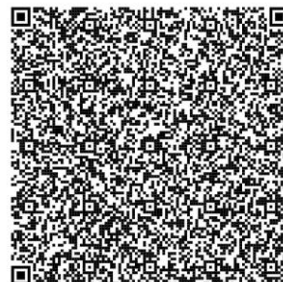
The results can be used in the preparation of generalizing works on the history of international relations, economy and cultural exchange in Eurasia, as well as in lecture courses on historical geography, archaeology and source studies.

ISBN 978-9952-451-12-2

9 789952 451122

2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. Палеогеографическая модель Каспийского моря в античную эпоху: соответствие античных источников и современных данных	8
1.1. Широтная ориентация Каспия	8
1.2. Горное обрамление на севере Гирканского моря	10
1.3. Дифференциация Каспия на несколько морей	11
1.3.1. Палеогеографический статус Апшеронского порога как сухопутного перешейка	15
1.4. Представления о связи Каспийского моря с Мировым океаном в античной географической традиции	17
1.4.1. Мангышлакский порог в античную эпоху	18
Глава II. Краткий обзор древнекитайских источников о Западном Крае	20
2.1. Сведения китайских источников о Западном море (Сихай)	22
2.2. Сведения о Северном море (Бэйхай)	23
Глава III. Государственные образования вдоль трассы «Северного пути»: источниковедческий аспект	24
3.1. Генезис государства Кангюй в контексте формирования Великого шёлкового пути	24
3.2. Этнополитическая миграция персидских племён из региона Кавказа и Северного Прикаспия как фактор возникновения «кочевого государства» Кангюй	25
3.3. Свидетельства античных авторов о саках и аланах в контексте географии Каспийско-Кавказского региона	28
Амазонки.	29
Южное море Геродота	29
Античные истоки локализации индийских народов в Кавказском регионе: от Геродота до Птолемея	30
Река Ганга в античных источниках: кавказская локализация и идентификация	31
3.4. Географическая локализация государства Кангюй: дискуссионные аспекты	34
3.5. Кангюй в системе международного товарного, культурного и идейного обмена (Великий шёлковый путь)	35
	36
Глава IV. Государство Янцай/Алания как ключевое звено транскаспийского маршрута «Северного пути»	
4.1. Границы и источниковедческая база государства Янцай/Алания	36
4.2. Этническая идентификация: аорсы и аланы	36
4.3. Переименование Янцай в Аланию и подчинение Кангюю	37
4.4. Географическая локализация Алании по данным древнекитайских источников	37

4.5. Ключевые признаки географической локализации Янцай/Алании	38
4.5.1. Первый признак: номинация моря и её связь с Северным Каспием	39
4.5.2. Второй признак: противоречивые указания о берегах и этимология названия страны	40
4.5.3. Третий признак: топография смежности и анализ расстояний, направлений («северо-запад») Алании с Кангюем и Дацинем (Римом)	40
4.6. Историография границ государства Алания (Яньцай)	41
4.7. Вывод о географическом положении государства Яньцай	43
Глава V. Аланы в орбите транскаспийского маршрута «Северной дороги»	46
5.1. Краткий анализ ранней истории асов, аорсов и алан: проблемы прародины и миграций	46
5.1.1. Социальная структура алан: военно-дружинная организация как феномен сарматского общества	50
5.2. Историко-географическая динамика алан и её отражение в мифологической традиции норманнов	51
Глава VI. Роль Мангышлакского порога в условиях массовых миграций индоперсидских племён	55
6.1. «Новый северный путь»	58
6.2. Археологические аспекты на Мангышлакском пороге	59
6.3. Торгово-ремесленные центры на побережье Мангышлака	60
ГЛАВА VII. ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. Н.Э	63
7.1. Природные катастрофы середины I тыс. н.э. и их отражение в письменных источниках	63
7.2. Влияние уровня режима Каспийского моря на палеогеографические изменения региона	64
7.3. Данные А.К. Бакиханова о палеогеографических трансформациях и проблема локализации субаквальных археологических объектов	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
ЛИТЕРАТУРА	72

ВВЕДЕНИЕ

Великий шёлковый путь как система трансконтинентальных коммуникаций сыграл ключевую роль в политическом, экономическом и культурном взаимодействии народов Евразии. Однако многие сегменты этой сети, особенно на её северных направлениях, до сих пор остаются реконструированными недостаточно полно. Одним из наименее изученных звеньев является трасса, проходившая через Каспийский регион, который в античности и раннем средневековье служил естественным барьером, но одновременно и потенциальным мостом между Востоком и Западом.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью пересмотра устоявшихся представлений о конфигурации северных маршрутов Великого шёлкового пути. Античные и древнекитайские письменные источники содержат многочисленные противоречия в описании Каспийского моря, берегов, рек и народов, обитавших в этом регионе. Традиционная историко-географическая наука, рассматривавшая Каспий как единый водоём с современной конфигурацией, не могла объяснить эти расхождения, что приводило к их отбраковке как ошибочных или мифологических. Однако современные данные палеогеографии, геологии, археологии и батиметрии позволяют по-новому взглянуть на эти свидетельства.

Цель и актуальность. В работе предлагается новая теоретическая модель функционирования трансконтинентальных коммуникаций Великого шёлкового пути в пределах Каспийского региона. Основная гипотеза заключается в том, что в античный период (вплоть до VI–VII вв. н.э.) Каспийское море не представляло собой единой акватории, а состояло из трёх обособленных бассейнов, разделённых сухопутными порогами — Апшеронским и Мангышлакским. Такая палеогеографическая конфигурация создавала возможность прохождения сухопутных торговых трасс непосредственно через Каспий, что в корне меняет реконструкцию «северного пути» Шёлкового пути.

Исследование базируется на междисциплинарном анализе античных (Геродот, Страбон, Плиний, Арриан, Птолемей, Аммиан Марцеллин, Дионисий Периегет и др.) и древнекитайских письменных источников («Ши цзи» Сыма Цяня, «Цянь хань шу» Бань Гу, «Хоу хань шу» Фань Е,

«Вэй шу», «Суй шу», а также компиляции «Шофанбэйчэн» Хэ Цю-тао). Привлечены археологические материалы, данные палеогеографии и палеогеоморфологии, а также батиметрические и геофизические исследования дна Каспийского моря. Особое внимание уделено учёту пространственно-временной геодинамики Кавказско-Каспийского региона — тектоническим подвижкам, трансгрессивно-регрессивным колебаниям уровня моря и их влиянию на конфигурацию береговой линии.

В ходе исследования реконструирована магистральная торговая трасса, проходившая из Китая через Давань (Фергана) → Кангюй (Хорезм) → Янцай/Алания (по Мангышлакскому порогу) → на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Установлено, что вплоть до VI–VII вв. н.э. акватория Каспийского моря представляла собой три изолированных бассейна:

- Гирканское море (Южный Каспий) — замкнутый солёный водоём с океаническим типом земной коры, вытянутый с запада на восток и окружённый горами;
- Каспийское море (Средний Каспий) — опреснённый бассейн с континентальной корой, вытянутый с севера на юг;
- «Северный океан» (Северный Каспий) — мелководный водоём, связанный с речными системами Восточной Европы и воспринимавшийся античными авторами как часть океана.

Эти бассейны были разграничены сухопутными порогами: Апшеронским (между Южным и Средним Каспием) и Мангышлакским (между Средним и Северным Каспием). Обосновывается, что один из ключевых сегментов Шёлкового пути пролегал именно по сухопутному Мангышлакскому порогу, который входил в состав государства Янцай/Алания, а определяющая роль в его функционировании принадлежала сармато-аланским племенам (аорсам, аланам).

Выдвинуто предположение, что в середине I тыс. н.э. произошла тектоническая катастрофа, приведшая к объединению трёх каспийских бассейнов и субаквальному затоплению Апшеронского и Мангышлакского порогов. Вследствие этих палеогеографических трансформаций транскаспийские сухопутные пути были переориентированы — торговые караваны стали огибать Каспийское море с севера и с юга. Эта катастрофа объясняет резкое исчезновение в позднеантичных и раннесредневековых

источниках указаний на сухопутные переходы через Каспий и фиксацию объединённого водоёма с современными очертаниями.

Научная новизна. В отличие от предшествующих исследований (Н.Я. Бичурина, В.В. Бартольда, С.П. Толстова, Р. Хеннига, С.А. Яценко и др.), рассматривавших Каспий как единый бассейн, в работе предложена палеогеографическая модель трёх обособленных морей, подтвержденная:

- широтной ориентацией Гирканского моря (соответствует плиоценовым расширениям Южного Каспия);
- горным обрамлением на севере Гирканского моря (Апшеронский порог как геологическое продолжение Большого Кавказа);
- дифференциацией Каспия на несколько морей (отражает реальное существование двух глубоководных впадин — Средне- и Южно-Каспийской — с континентальным порогом между ними);
- представлением о связи с океаном (Северный Каспий, затапливавший Прикаспийскую низменность, воспринимался как залив Северного океана).

Впервые на основе комплексного анализа древнекитайских источников (с указанием направлений «смежно», «северо-запад» и др.) и античных описаний локализовано государство Янцай/Алания, включающее в себя Мангышлакский порог. В работе применена комплексная методика:

- критический анализ античных и древнекитайских письменных источников (в том числе труднодоступных компиляций);
- сопоставление с данными геофизики (строение земной коры, батиметрические профили, карты осадочных бассейнов);
- палеогеографические реконструкции уровня Каспия (работы Фёдорова П.В., Болиховской Н.С., Турманиной В.И.);
- археологические материалы раскопок на Мангышлаке и Прикаспии (Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Квачидзе В.А., Раев Б.А., Яценко С.А.);

элементы лингвистического анализа (толкование топонимов, этнонимов — «алан», «аорсы», «ассы», «Ганга»).

Предложенная парадигма позволяет пересмотреть существующие представления о конфигурации северных трасс Великого шёлкового пути в античности и раннем средневековье.

Глава I. Палеогеографическая модель Каспийского моря в античную эпоху: соответствие античных источников и современных данных

Создание маршрутов Великого шёлкового пути придало импульс политико-экономической и культурной жизни народов Евразийского континента. Мировые державы — Греция, Рим, Византия, Персия и Парфия — боролись за установление контроля над важнейшими торговыми маршрутами. Естественной преградой для торговых караванов являлось Каспийское море. Описания морского пути через Каспий не существует. Страбон сообщает, что «в его время по Каспию никто не плавал» [76., с.111]. П. Мела (III, 5.38), как и Дионисий Периегет, считают его «трудным для плавания» [52., с.943].

Современные исследователи проводят древние маршруты Шёлкового пути из Китая через Среднюю Азию и Казахстан в страны Запада, огибая Каспийское море с севера и с юга. В каких же географических рамках проходили маршруты Великого шёлкового пути в период античности?

Античные авторы отмечали неоднозначность Каспийского моря. Как заметил Р. Хенниг: «Положение Каспийского моря на земном шаре в течение всей древности представляло загадку для географической науки» [100., с.244]. Анализ античных источников позволил выявить четыре устойчивые особенности в описании Кавказско-Каспийского региона:

1. Широтная ориентация Каспия.
2. Горное обрамление на севере Гирканского моря.
3. Дифференциация Каспия на несколько морей.
4. Связь Каспийского моря с Мировым океаном в античной традиции.

Эти противоречия находят неожиданное подтверждение в данных современных наук. Как очень точно отметил С.А. Яценко: «современные данные археологии, антропологии, письменных источников, лингвистики, палеопочвоведения и других не стоит абсолютизировать: истина будет ближе при согласовании их данных» [8., с.58,59].

1.1. Широтная ориентация Каспия

Изучение античных авторов показало, что они изображали и описывали Каспийское море отличным от его современных границ. Они считали, что «Каспий занимает с запада на восток большее пространство, чем с юга на

север... в этом не сомневался, насколько известно, ни один географ древности» [15].

Современные учёные отмечают, что бассейн Южного Каспия в период плиоцена был удлинён с запада на восток. Академик П.З. Мамедов на основании геофизических исследований показал форму бассейна Южного Каспия раннего плиоцена (рис. 1), протянутого на запад по руслу палео-Куры до Мингечаура, а на восток — по руслу палео-Узбоя [58., с.523-533].

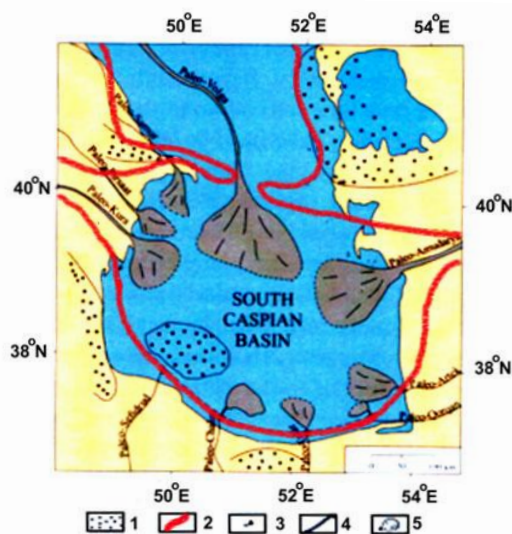

Рис. 1. Русла рек и дельтовые системы в бассейне Каспийского моря раннего плиоцена. 1 — относительные поднятия; 2 — пределы бассейна; 3 — русла рек; 4 — большие русла рек и подводные овраги; 5 — дельта [58., с.523-533].

Академик Е.Е. Милановский также отмечал расширение Южного Каспия на запад в пределах Куринской депрессии (Нижнекуринской впадины) и на восток — в пределы Западно-Туркменской впадины в конце плиоцена [60].

Идентичная картина вырисовывается у исследователя античной палеогеографии Кавказа и Прикаспия С.Н. Муравьёва (рис.2), согласно которому до 285 г. «воды Каспия затапливают почти всю Кура-Араксинскую низменность, а Западно-Туркменскую низменность, долину Узбоя до урочища Игды» [63., с.143].

Исследования туркменского археолога проф. Х. Юсупова подтвердили, что бассейн Южного Каспия был удлинён на восток: «Узбой в тот период был обводнён и функционировал» [106., с.193].

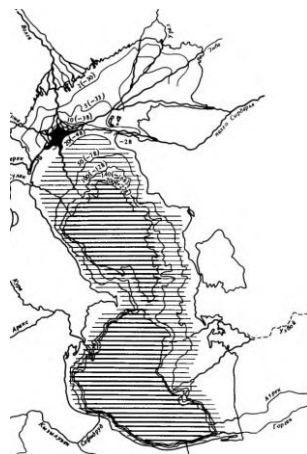

Рис. 2. Каспий при уровнях –48 (тонкая штриховка) и –168 (жирная штриховка) м абс. [79., с.130].

Схема бассейна Южного Каспия периода плиоцена, удлинённого с запада на восток, соответствует описанию Гирканского моря античными авторами. Как было замечено Страбоном (XI,7.1): «Форма этих гор лунообразна у подошв».

1.2. Горное обрамление на севере Гирканского моря

Север современного Каспийского моря огибает Прикаспийская низменность. Античные авторы, описывая Гирканское море, отмечают горы на севере. Какой же водный бассейн описывался в античных источниках?

В VI в. до н.э. Скилак по поручению Дария I составил интинерарий границ Персидской империи. Особенно важным для настоящего исследования является замечание: «горы, окружавшие Гирканское море...» [70., с.194], что предполагает наличие гор на севере Гирканского моря.

Античные авторы, в частности Геродот и Гекатей, использовали сочинения Скилака. Гекатей Милетский отмечал: «вокруг так называемого Гирканского моря горы высокие...» [52., с.651]. На несоответствие описания формы Гирканского моря у Гекатея Милетского современному состоянию Каспия обратил внимание профессор И.В. Пьянков: «Судя по дальнейшему содержанию фрагмента, Гекатей говорит и описывает, преимущественно, южное побережье моря» [69., с.476, 469, 479]. Современные исследователи отмечали соответствие описания античными авторами Гирканского моря рамкам бассейна Южного Каспия. В своих

исследованиях привязываясь к современным очертаниям моря, они считали эти мнения ошибочными.

Наблюдения Скилака подтверждают замечания Плиния: «Каспийское море всё окружено Кавказскими горами» (VI.X.28; VI.XV.40) и Страбона (XI, 1): «Кавказский хребет окружает с севера два моря, Каспий и Понт» [52., с.402].

На севере бассейна Южного Каспия под водой проходит Апшеронский порог — геологическое продолжение гор Большого Кавказа. Это предполагает существование сухопутного Апшеронского порога в период античности. Об этом говорят топонимические названия на Апшеронском полуострове: «Гирканское море», «Гюрган» [12., с.13].

Апшеронский порог является геологическим продолжением хребта Большого Кавказа на западе, а на востоке этот хребет соединяется с горными хребтами Копетдага в Туркмении. Горы Ирана охватывают побережье Каспия на юге. Таким образом, бассейн Южного Каспия оказывается в кольце гор, что соответствует описанию Гирканского моря античными авторами как «окружённого Кавказскими горами» (рис. 3).

Рис. 3. Карта Кавказско-Копетдагского региона. Красной линией показана ось горных хребтов: горы Кавказа — Апшеронский перешеек — горы Копетдага.

1.3. Дифференциация Каспия на несколько морей

Античная географическая традиция последовательно различала несколько водных бассейнов в Каспийском регионе. Многочисленные авторы — Аристотель (Met., I, 13), Страбон (XI, I, 7), Квинт Курций (VII, 3, 21), Солин (XXXVIII), Дионисий (47), Диодор Сицилийский (XVIII, 5, 3–4), а

также Василий Великий в работе «Девять бесед на Шестоднев» (IV, 4; М., XXIX, 88) и ряд других компиляторов — упоминают Северный океан, Каспийское море и Гирканское море как самостоятельные географические объекты. Это устойчивое разграничение не было произвольным, а отражало реальные палеогеографические условия региона.

Аристотель помещал «Каспийское и Гирканское моря» в виде озёр «под Кавказом» (Met., I, 13, 18–29; II, 1, 10) [70., с. 180]. Рассматривая Каспий как единый бассейн, исследователи ошибочно считали, что эти названия принадлежат различным частям одного моря. В.В. Латышев полагал: «257. Аристотель называет Гирканским южную часть Каспийского моря, Каспийским же — северную часть того же моря» [52., с. 207]. Александр Македонский проявлял большой интерес к изучению Каспийского региона. Однако, только после его смерти, в 283–282 гг. до н.э., селевкидский начальник Патрокл совершил морское путешествие вдоль берегов Гирканского моря. «... близ Гирканского и Каспийского морей. Он предпринял изучение этих морей с помощью флота, видимо, для того, чтобы исследовать существовавшее некогда их слияние» [52., с. 239]. Данный фрагмент подчеркивает существование двух морей в античный период, во время плавания Патрокла. Эту географическую ситуацию отмечает Плиний (VI.XXI.58), сообщая, что Патрокл «даже плавал кругом в Гирканском море и Каспийском».

Расположение Каспийского моря севернее Гирканского отмечал Страбон (XI.I.7), утверждая, что область над Гирканским морем называется Каспийской [52., с. 377; 362]. Сложную структуру Каспия описывал Василий Великий в работе «Девять бесед на Шестоднев»: «IV, 4 (М., XXIX, 88) ... и Гирканское и Каспийское моря заключены сами в себе; ... они имеют взаимное сообщение и все узкими проливами соединяются с величайшим морем».

Являлись ли сведения античных авторов результатом отсутствия полной информации, или они отражали реалии Каспийского моря в период античности? Исследователь античной палеогеографии Каспийско-Аральского бассейна С.Н. Муравьёв отметил, что при низких уровнях моря Каспий распадается на два бассейна: Южнокаспийский и Среднекаспийский [63., с. 131].

Что представлял собой бассейн Среднего Каспия? Геродот (I, 203; I, 204) писал: «Вдоль западного края этого моря тянется Кавказ», отмечая на востоке равнины. Идентичная схема присутствует в расчётах Плиния (VI.XV, 37): «Каспийское море, граничащее на востоке с Серским океаном (восточная часть Северного Каспия — прим. авт.), на западе — с хребтами Кавказа, на юге — Тавра (Апшеронский порог — прим. авт.), на севере — со Скифским океаном (Северный Каспий и Волго-Донской бассейн – прим. авт.), простирается, насколько известно, на 480 миль в длину и 290 миль в ширину».

Согласно Плинию, Каспийское море удлинено с севера на юг, в отличие от широтного удлинения Гирканского моря. В описании нет гор (Скифский океан) на севере Каспийского моря (Среднего Каспия), в отличие от фрагмента (VI.X.28), где Гирканское море - бассейн Южного Каспия, окружён горами.

Приведённые размеры длины и ширины моря у Плиния и Геродота указывают на его протяжённость с севера на юг, а не с запада на восток. Вдоль западного берега бассейна Среднего Каспия тянутся горы Кавказа, а на восток от моря — равнины. Согласно античным авторам, Каспийское море (бассейн Среднего Каспия) было вытянуто с севера на юг.

С геологической точки зрения существование отдельных бассейнов Каспийского моря возможно (рис.4), поскольку Средний и Южный Каспий имеют два разделённых Апшеронским порогом бассейна [97., с. 95].

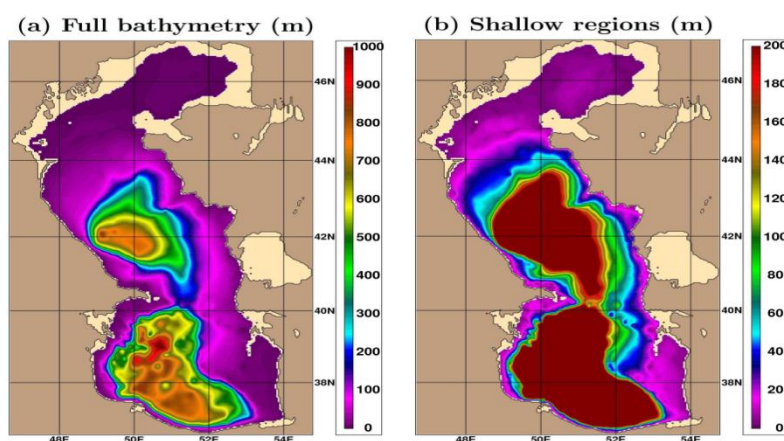

Рис. 4. Батиметрические карты Каспийского моря [International Tectonic Map of the Caspian Sea Region, 2005. V. Khain & N. Bogdanov (eds.). 96., с. 90].

- **Южный Каспий (Гирканское море)**, являясь реликтом океана Тетис, характеризуется океаническим типом земной коры и был естественным образом ограничен кольцом горных хребтов.
- **Средний Каспий (Каспийское море)** обладает корой континентального типа и в античный период, благодаря интенсивному речному стоку (Волга, Урал, Терек, Самур и др.), мог характеризоваться значительной опреснённостью.

Разделявший эти бассейны Апшеронский порог создавал естественную гидрологическую границу между двумя разными водными бассейнами.

Батиметрические исследования (рис. 4) наглядно демонстрируют наличие двух глубоководных впадин (Средне-Каспийской и Южно-Каспийской). Рельеф дна Каспийского моря указывает на возможность существования сухопутного перешейка через Каспийское море и наличия двух обособленных водных бассейнов в историческом прошлом. Возможность существования двух отдельных водных бассейнов отмечал академик В.Е. Хаин [94].

Средне-Каспийская и Южно-Каспийская впадины представляют собой две глубоководные впадины, между которыми имеется достаточно узкое поднятие — Апшеронский порог (рис. 5).

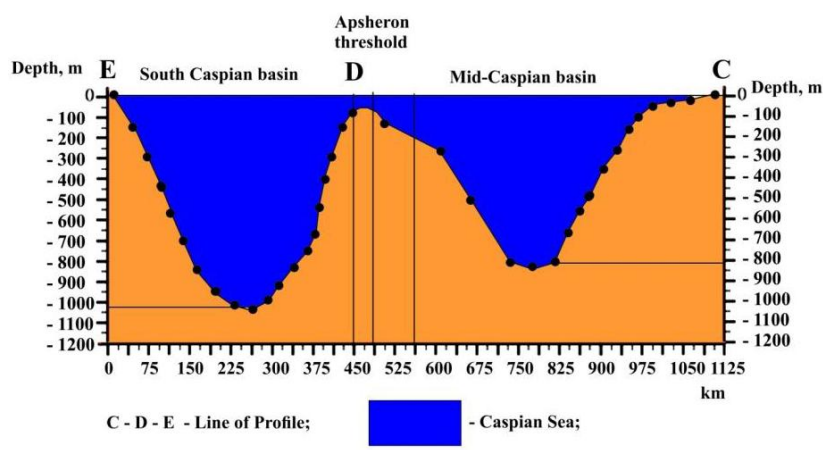

Рис. 5. Батиметрический профиль через Каспийское море по линии E-D-C (составил Э.Н. Халилов) [96., с. 94].

Наиболее глубоководная часть Апшеронского порога находится восточнее острова Чиллов (прежнее название — Жилой). Здесь максимальная глубина моря достигает 160–170 метров. Это место пролива из Среднего Каспия в Южный Каспий — русло Палео-Волги.

1.3.1. Палеогеографический статус Апшеронского порога как сухопутного перешейка

Сведения Эратосфена и Страбона о торговом маршруте от Амиса до Бактрии (современная Средняя Азия) изложены таким образом, «будто в нем описывался путь, проходящий прямо с запада на восток. Об этом свидетельствует вся картографическая схема Эратосфена» [70., с. 237]. При проведении на карте линии от Амиса на восток до Бактр данная трасса пересекает Каспийскую акваторию именно по Апшеронскому порогу. Указанный порог использовался для прохождения торгового пути от Амиса до Бактр, обозначенного в античной традиции как «Дорога Страбона» (II, 1.11; II, 1.3) и ориентированного «по направлению к экваториальному востоку».

Согласно античным источникам, Апшеронский порог представлял собой сухопутное образование, разделявшее два водоёма: Гирканское море (Южный Каспий) и Каспийское море в узком смысле (Средний Каспий). В работе А.А. Бакиханова приводится свидетельство местных жителей Апшерона о сохранившейся памяти о перешейке: «Между тамошними жителями сохранилось предание, что в древности существовал перешеек от Баку до туркменских берегов, через который туркмены конными массами направлялись сюда на грабеж. По многим признакам можно полагать, что Каспий имеет периодические приливы и отливы, происходящие раз в несколько сот лет, но это явление по недостатку наблюдений еще не определено достоверно» [13., с.35].

Отличительной гидрологической характеристикой Каспийского моря античные авторы называли пресный или слабосоленый вкус воды. Плиний (VI.XIX.51) утверждает: «вода в Каспийском море имеет пресный вкус». Страбон (XI.VII.4) ссылается на наблюдения Поликлета: «вода там несколько пресновата». Солин даёт точную географическую привязку: «XIX, 3. Каспийское море с другой стороны Понта за массагетами и скифами-апалеями в Азиатской земле отличается пресной водой; это испытано Александром Великим, а затем Помпеем Великим, который в период Митридатовой войны, как передаёт его сослуживец Варрон, пожелал лично [дословно: самими глотками] удостовериться в [этом]» [3., с. 47]. Приведённое описание соответствует западному побережью Среднего Каспия («с другой стороны Понта»). Вдоль этого побережья, а

также по Апшеронскому порогу, кочевали племена скифов-массагетов (маскутов) [12., с. 19-20].

С геотектонической точки зрения, Апшеронский порог представляет собой зону сочленения и поднятия двух литосферных плит — Скифско-Туранской и Южно-Каспийской. Бассейн Южного Каспия является реликтом океана Тетис с океаническим типом земной коры, что обуславливает его повышенную солёность. Средний Каспий, сформированный преимущественно за счёт речного стока, обладает гранитным слоем, характерным для континентальной земной коры, и в античное время отличался заметно более низкой минерализацией [95].

Л.С. Берг в своих работах обосновал, что отдельные участки дна Каспия испытывали попеременные тектонические поднятия и опускания, вследствие чего Каспийская акватория неоднократно распадалась на два изолированных бассейна (начиная от области Апшерона к северу и к югу), а затем вновь объединялась в единый водоём [17., с. 74-75].

Апшеронский порог является геологическим продолжением хребта Большого Кавказа на западе, а на востоке данный хребет соединяется с горными системами Копетдага на территории Туркмении. «Многие восточные историки называют Кавказ Альбурсом. Катиб Челеби в “Джахан-нума” говорит, что Аль-бурс лежит к западу от Баб ал-Абваба, или Дербенда, и соединяется с цепью гор, тянущейся от Туркестана до Хиджаза» [13., с. 21-22]. Таким образом, горные цепи от Эльбруса и Дербенда до Туркестана могли быть соединены посредством Апшеронского порога, который в античную эпоху существовал как сухопутный перешеек.

Вывод. Бассейн Южного Каспия оказывается полностью окружённым горными системами и соответствует описанному античными авторами Гирканскому морю, имевшему субширотную ориентацию (с запада на восток). Каспийское море в узком смысле локализуется в пределах бассейна Среднего Каспия, вытянутого в субмеридиональном направлении (с севера на юг). Комплексный анализ античных письменных источников в сопоставлении с палеогеографическими и геологическими данными позволяет утверждать, что дифференциация акватории Каспия на несколько самостоятельных бассейнов являлась объективной географической реальностью в античную эпоху.

1.4. Представления о связи Каспийского моря с Мировым океаном в античной географической традиции

Фундаментальной основой архаических космографических моделей являлось положение о том, что круглая ойкумена со всех сторон окружена «единым Океаном, представлявшимся огромной рекой» [39., с. 178]. На картографической схеме «Земного круга» Гонория Каспийское море локализовано на периферии ойкумены, в зоне сопряжения Северного (Ледовитого) и Восточного (Эойского, Индийского) океанов [70., с. 290]. В античной научной традиции доминировало мнение, согласно которому «254. Каспийское море — "Озеро под Кавказом" — имело выход в океан с северной стороны» [52., с. 207]. Страбон (XI.1.5; XI.2.1) фиксировал присутствие океана к северу от Каспия: «... с севера их омывает океан до устья Каспийского моря». Плутарх (Александр, 44, 1–2) воспроизводил позицию древних естествоиспытателей, рассматривавших Каспий в качестве северного залива океана: «(2) Между тем, естествоиспытатели были уже знакомы с истиной: за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив, или Каспийское море, — самый северный из четырёх заливов Океана». Арриан (V.5.4), Плиний (VI.XV.36–37), Присциан (644–721) и Павел Оросий (I, 2, 48) также идентифицируют Каспий как залив океана, открытый в северном направлении [3., с. 53].

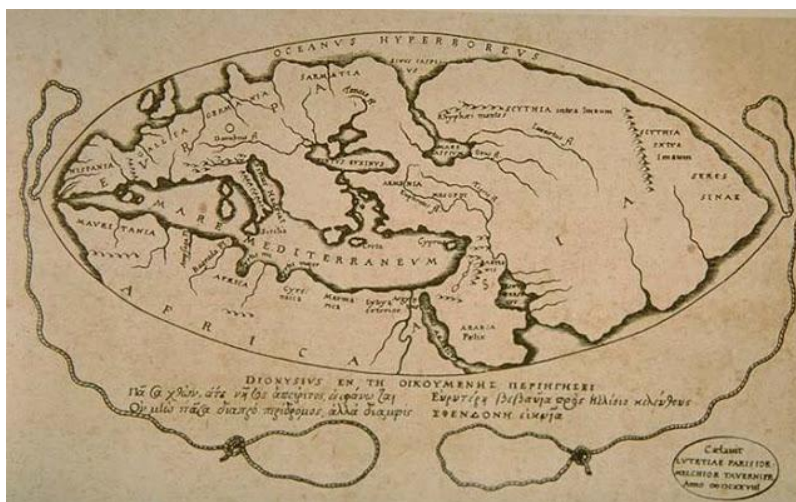

Рис. 6. Карта в соответствии с идеями греческого философа Посидония (139/135 – 51/50 гг. до н.э.). Карта изготовлена картографами Petrus Bertius и Melchior Tavernier в 1628 г. Многие детали не были известны Посидонию, но картографы показали идеи древнегреческого философа о расположении континентов. <https://gorbutovich.livejournal.com/15890.html>

Описанная античной традицией картина нашла отражение в картографической схеме Посидония (рис. 6).

Позиция античных авторов наиболее лаконично выражена Плинием (II. LXVII.168): «И вокруг Каспия исследованы многие океанские берега, и почти весь север с той и с другой стороны пройден на кораблях...». Данная схема воспроизводилась в картографическом материале, находившемся под влиянием отчетов о плавании Патрокла и карт Эратосфена. Таким образом, античные авторы разделяли убеждение в существовании океанского бассейна к северу от Каспийского моря.

Для решения проблемы верификации этих представлений необходимо обратиться к палеогеографическим данным. Сравнительный малакофаунистический анализ водоёмов Понта и Каспия позволил установить направление двусторонних миграций моллюсков через Манычский пролив, что свидетельствует о наличии гидрологической связи между двумя бассейнами [29., с. 3]. Данный факт предполагает возможность соединения акваторий Азовского и Каспийского морей. С.А. Ковалевский выдвинул гипотезу о том, что «... связь Азовского моря и Каспия прервалась лишь в IV веке до н. э.» [44., с. 46].

К началу I тыс. н.э. Каспийское море затапливало значительные территории: «Прикаспийскую низменность на севере, северо-западе и северо-востоке, долину Волги (до Волгограда)» [63]. Исследователи связывают эволюцию Понто-Каспийского бассейна «... с трансгрессивно-регрессивными явлениями в Мировом океане, эпохами ледниковий и межледниковий Русской равнины и горных территорий» [29., с. 3]. В указанный хронологический период водоёмы Понта и Северного Каспия сообщались через долину Маныча. Каспийское море в различные этапы своего геологического развития имело трёхчленное строение, образуя три изолированных бассейна [28]. Северный Каспий, будучи связанным с Азовским морем и разлившимися северными реками, к I тыс. н.э. воспринимался античными авторами как океан, вторгающийся с севера в бассейн Среднего Каспия.

1.4.1. Мангышлакский порог в античную эпоху

Граница между Северным и Средним Каспием проходит по Мангышлакскому порогу, абсолютные отметки которого составляют до 10

м [—38 абс.]. Как показали расчёты палеографа С.Н. Муравьёва, «при уровне Каспия ниже –38 м абс. весь Северный Каспий мог быть полностью обособлен от Среднего Каспия Мангышлякским порогом» [63., с.143]. В эпоху Мангышлякской регрессии (14–6 тыс. лет до н.э.) уровень Каспийского моря понизился в среднем на 50 м. Согласно данным В.И. Турманиной и Н.С. Болиховской, начиная с 6 тысячелетия до н.э. уровень Каспия изменился от –50 м до –40 м к IV–VIII вв. н.э. [45].

Около 91,2 % территории шельфа Северного Каспия (при глубинах около 5 м) представляло собой плодородную равнину. Остатками данного сухопутного шельфа являются острова Тюленьего архипелага, которые в эпоху неолита соединялись с материком [92., с. 277]. В бронзовом веке, при уровне моря –40 м, шельф продолжал оставаться сухопутным [41., с. 277]. При указанных уровнях Каспия территория шельфа Северного Каспия сохранялась в виде плодородной илистой равнины. Благоприятные условия для скотоводства (наличие заливных лугов) и земледелия способствовали привлечению различных племён на мелководные шельфовые равнины Каспия.

Рис. 7. Карта-схема палеогеографической реконструкции Каспийского моря в античный период (авторы: Халилова Т.Ш., Халилов Э.Н.)

Историческое значение реконструкции

Предложенная палеогеографическая модель, согласно которой в античный период Каспий представлял собой систему трёх обособленных бассейнов, позволяет объяснить кажущиеся противоречия, содержащиеся в античных источниках.

В рамках данной модели выделяются следующие палеобассейны:

- Северный Каспий — мелководный «Океан», соединённый с речными системами севера и Восточной Европы;
- Средний Каспий («Каспийское море») — вытянутый в меридиональном направлении бассейн, питающийся речными системами;
- Южный Каспий («Гирканское море») — солёный водоём, вытянутый по широте и окружённый горами.

ГЛАВА II. КРАТКИЙ ОБЗОР ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О ЗАПАДНОМ КРАЕ

Процесс сближения западной и восточной цивилизаций неизбежно приводил их к Каспийскому морю. Западная традиция уделяла значительное внимание изучению Каспийской ойкумены, особенно после походов Александра Македонского. С II в. до н.э. к берегам Каспийского моря начинают направляться посланники из Поднебесной империи. Первое знакомство Китая с Западным краем состоялось в период правления императора династии Хань У-ди (141–87 гг. до н.э.). В труде Сыма Цяня приведены результаты дипломатической деятельности Чжан Цяня — посла ханьской империи в странах Центральной и Средней Азии. Чжан Цянь составил подробную информацию о государстве Канпой, о стране Яньцай, расположенной «у отлогих северных морских берегов», а также о владении Давань, где находились «небесные кони с кровавым потом» [88]. Описания китайскими путешественниками природных особенностей и государственного устройства стран, располагавшихся вдоль западных маршрутов, свидетельствуют об их частом присутствии в данном регионе и о достаточно высокой степени его изученности.

Целенаправленная политика империи Хань (Китая) к II в. до н.э. сосредоточилась на решении двух основных задач:

1. поиск на западе союзников в борьбе против гуннов (сюнну);
2. расширение торговли в северо-западных краях, вплоть до Римской империи.

Принятый в Давани (Фергана) с почестями, Чжан Цянь проследовал через Канпой во владение юэчжей. В 127 г. до н.э. китайский посланник вернулся в Срединную империю. Сведения, собранные Чжан Цянем, раскрыли перед Поднебесной империей перспективы подлинно геополитического и экономического масштаба. Отчёты Чжан Цяня нашли отражение в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня.

Великий учёный Сыма Цянь в «Исторических записках» («Ши цзи») охватил огромный период истории Китая, насчитывающий более двух тысяч лет — начиная с эпохи первобытнообщинного строя (в частности, правления легендарного правителя Хуан-ди, XXVII в. до н.э.) и почти до конца царствования императора У-ди (140–87 гг. до н.э.). В главе 123 «Дайюань ле чжуань» («Описание Дайюани») содержатся данные о гуннах, а также о народах Средней Азии (кангюйцах, усунях, даюэчжи и др.).

В I в. н.э. китайским историком Бань Гу был создан энциклопедический труд по истории Китая — «Цянь Хань Шу» («История ранней династии Хань»), охватывающий период в 230 лет (III в. до н.э. – I в. н.э.). После «Цянь Хань шу» в династийных летописях Китая наступает перерыв до тех пор, когда учёный и государственный деятель Южной империи Сун Фань Е (398–445 гг.) составил «Историю Младшей Хань» — «Хоу Хань шу». Хронологический охват данной династийной хроники — 25–220 гг. н.э. Согласно китайским источникам, Западный край находился в подчинении империи Хань. Наместники империи подробно и методично излагали сведения о расположении гор и рек, перечисляли княжеские дома, информировали о численности населения, дорогах и расстояниях: «Затем к западу от Дуньхуана и до оз. Яньцзэ (Лобнор) везде были учреждены сторожевые посты, а в Луньтае и Цюйли [поселено] по несколько сот военных поселян. Установлены должности военных комендантов. Наместник надзирал за образом действий усуней, Кангюй и других иностранных государств, посылал сообщения ко двору в случае появления изменений» [101].

Информация о политических событиях Западного края лаконична, однако именно в этой хронике появляется первое прямое указание на существование народа алан: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя».

В VI в. н.э. придворный летописец Вэй Шоу подготовил династийную историю «Вэй шу» («История государства Вэй»), охватывающую период с 384 по 534 г. Специальная 102-я глава свода, повествующая о Западном крае, была утеряна, однако бóльшая её часть была включена в 97-ю главу хроники «Бэй ши» («История Северных династий»), написанную Ли Яньшоу в VII в.

Сведения о народах и государствах Западного края содержатся также в «Суй шу» («История династии Суй»), правившей в Китае с 581 по 618 гг. Западному краю в «Суй шу» посвящены четыре главы (81–84), причём в 84-й главе названы 45 племён азиатской степи, среди которых фигурируют и «а-лан» (аланы) [57].

В труде «Шофанбэйчэн» Хэ Цю-тао — китайского чиновника и учёного эпохи династии Цин (XIX в.) — в повествовании о Западном крае содержится сообщение о государствах Кангюй и Яньцай.

2.1. Сведения китайских источников о Западном море (Сихай)

Составляя подробные отчёты, китайские эмиссары в докладе императору («Сыну Неба») отмечали: «[страна] Дайюань расположена от сюнну на юго-запад, от Хань — прямо на запад; отстоит от Хань не менее чем на десять тысяч ли. На севере от них [расположен] Канцзюй, на западе — Даюэчжи, на юго-западе — Дася, на северо-востоке — Усунь, на востоке — Ганьми и Юйтянь. К западу от Юйтянь все реки текут на запад и впадают в Сихай (Западное море)» [88., гл. 123., 7]. Путешествие Чжан Цяня проходило в период, когда государство Дайюань («Давань») занимало территорию Ферганской долины со столицей в городе Эрши (современный Коканд).

Поскольку государство Давань располагалось в Фергане, а Юйтянь (Хотан) находилось к востоку от него, причём к западу от Хотана все реки текут на запад и впадают в Западное море, можно заключить, что Сихай (Западное море) соответствует Гирканскому морю (бассейну Южного Каспия), описанному античными авторами.

Согласно современным картам, бассейн Южного Каспия (Западное море) действительно находится к западу от Хотана (Юйтянь). На картах Эратосфена, Страбона и Птолемея, в соответствии с античными источниками, реки текут на запад и впадают в Гирканское море (Южный Каспий).

Упоминание Западного моря (Сихай) прослеживается и в последующих китайских источниках. В V в. историк Фань Е в «Хоу Хань Шу» отметил: «... государство Великое Цинь (Дацинь) находится к западу от Западного моря (Сихай), которое поэтому именуется Циньхай, единолично управляет Западным краем, совместно с вассалами осуществляет набеги и грабежи» [101].

Таким образом, Западное море, согласно античным письменным источникам, соответствует Гирканскому морю (бассейну Южного Каспия). С востока в него впадают реки Средней Азии: «К западу от Юйтянь все реки текут на запад и впадают в Сихай (Западное море)» [88., гл. 123]. К западу от Каспия, в свою очередь, располагались подконтрольные Риму (Великое Цинь — Дацинь) страны на территории Закавказья.

2.2. Сведения о Северном море (Бэйхай).

Наблюдательность имперских эмиссаров, посещающих Западный край, позволила китайским ученым, с большой точностью, фиксировать получаемую ими информацию, а также, характерные особенности географического, этнографического плана этого региона. Китайские источники содержат подробные сведения о Северном море и о странах, расположенных рядом: Янцай или Аланьнаго; Канцзюй или Кангюй (Хорезм); Дайюань или «Давань» - (Фергана).

Сыма Цзянь в работе «Ши цзи», располагал государство Яньцай возле Северного моря, которое характеризовал, как «не имеющее высоких берегов», «великое озеро, имеющее отлогие берега», «большое безбрежное озеро». «Описав кочевое владение Кангюй, Чжан-Цян сообщает далее об области: «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море» [21., с. 150]; «Живут у моря с низкими берегами — Бэйхай (Северное море), вероятно Каспийское море» » [88., гл. 123]; «великому озеру, имеющему отлогие

берега. Это есть северное море» [57., гл. 5., § 2.]; «Прилегает к Большому безбрежному озеру, это именно Северное море» [104., гл. 31, стр. 186.].

Мнения исследователей в понимании вопроса: Что есть «Северное море» разделились, в частности: Бичурин Н.Я. (21., прим. 6.); Хенниг Р. (100., прим. 2) - отождествляют его с Каспием. В то же время, Бартольд В. В. [15., с. 32] связывает его с Аралом. Однако, мы уже отмечали, что в древности «... и античные и китайские авторы не имели ясного представления отдельно о Каспии и отдельно, об Аральском море» [3., с. 58].

Характеристика современного Северного Каспия соответствует описанию Северного моря (Бэйхай), имеющего низкие, отлогие берега. Описание страны Яньцай (Алании), лежащей возле Бэйхай, определяет его принадлежность к Северному Каспию. Таким образом, Северное море (Бэйхай) предполагается состоящим из бассейна Северного Каспия и Среднего Каспия как его залива.

ГЛАВА III. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВДОЛЬ ТРАССЫ «СЕВЕРНОГО ПУТИ»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

3.1. Генезис государства Кангюй в контексте формирования Великого шёлкового пути

Существование Кангюя как государственного образования на территории Средней Азии до III–II вв. до н.э. не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками. Ни Ахеменидская Персия, ни античные авторы периода Александра Македонского и эллинистических монархий (вплоть до конца II в. до н.э.) не сообщают о стране Канга [8., с. 23]. Впервые в качестве политической единицы Кангюй упоминается в «Ши цзи» («Исторических записках») великого историка Сыма Цяня (гл. 123 «Страна Давань») [88].

Ко времени посещения Запада первым китайским послом Чжан Цянем (126 г. до н.э.) Кангюй представлял собой небольшое и «слабосильное» кочевое владение [21., с. 182–183]. Участие Кангюя в глобальном евразийском проекте — Великом шёлковом пути — способствовало его превращению к I–III вв. н.э. в крупнейшее по территории и наиболее могущественное государство западной части Центральной Азии. Рост

экономического и военно-политического потенциала этого государства поставил его в один ряд с великими державами античности: Римской империей, империей Хань, Парфией и Кушанской империей

3.2. Этнополитическая миграция персидских племён из региона Кавказа и Северного Прикаспия как фактор возникновения «кочевого государства» Кангюй.

Пехлевийская религиозная литература содержит сведения о Кангхе и о появлении персидских племён в Средней Азии. В «Авесте» Канга именуется «священной». Идентификация Кангхи Авесты, Кангюя китайских источников и Кангдиза пехлевийской традиции утвердилась в работах исследователей [89., с. 20]. Кангдиз выступает как место древнейшей оседлости иранцев после перехода ими «моря» Воорукаша [8., с. 23].

Важнейшим фактором, инициировавшим миграционные процессы, послужила палеогеографическая конфигурация Каспийского региона. Исследователи отождествляют море «Воорукаша» с Каспийским или Аральским морем, иногда объединяя оба бассейна. Согласно «Авесте», у подножия Высокой Хары находится обширное водное пространство — «море» («зрайа») по имени Воорукаша. В «Бундахишн» указывается, что Варкаш (Воорукаша) — это мировой океан, окружающий землю и занимающий треть её поверхности; название толкуется как «с широкими заливами», что в иранской мифологии соответствует мировому океану [26., с. 98]. Данная характеристика в полной мере соответствует модели Каспия, состоящего из трёх обособленных бассейнов. Автором настоящего исследования в работе «Как много в имени твоём, Гиперборея» было обосновано соответствие моря Воорукаша бассейнам Среднего и Северного Каспия. Переход через это море мог осуществляться по сухопутному Мангышлакскому порогу в период низкого стояния уровня Каспия, что создавало естественный коридор для миграции.

Согласно «Авесте» (Яшт VII, 47): «Из моря Ворукаша вытекают воды». В предлагаемой палеогеографической модели это соответствует движению вод из Северного Каспия (части Северного океана) через пролив по Мангышлакскому порогу в Средний Каспий, а затем через Апшеронский порог в Гирканское море (Южный Каспий). Южный Каспий представляет

собой замкнутый водоём — озеро. Таким образом, миграционный путь иранских племён пролегал через зоны сочленения каспийских бассейнов.

Горы Хара Березайти персидских источников, горы Меру индийской традиции и Рипейские горы античной географии соответствуют, согласно выводам автора, горам Большого Кавказа. Как гласит фрагмент: «Хара Березайти сама по себе является островом — его окружают с востока, севера и запада воды рек Арак и Вехруд, а с юга — море Фрахвард» [36]. Следовательно, к югу от гор находится море Фрахвард. Апшеронский порог, будучи геологическим продолжением Большого Кавказа, отделяет это море (Гирканское море — Южный Каспий) от северных бассейнов. В «Бундахишн» сообщается: «озеро Чичаст (находится) в Адурбадагане, (его) вода тепла и безвредна, потому в нём нет ничего живого. Его источник связан с озером Фрахвард» [25]. Озеро Чичаст соответствует озеру Урмии в Южном Азербайджане (Мидия), расположенному вблизи бассейна Южного Каспия. Даже имя мидийского царя Фравартиш (675–653 гг. до н.э.) перекликается с названием Фрахвард — Гирканского моря [42., с. 98].

Таким образом, море Фрахвард представляет собой замкнутый водоём — Гирканское море (Южный Каспий), а гора Хара Березайти соответствует сухопутному Апшеронскому порогу, к югу от которого располагается это море. Море Воорукаша, напротив, соответствует бассейнам Среднего и Северного Каспия, разделённым Мангышлакским порогом. Именно через этот порог иранские племена — вероятно, последователи зороастризма — мигрировали с территории Кавказа на Мангышлак, где возвели дахму («башню смерти») [78]. Археологические комплексы VIII–VII – IV вв. до н.э. фиксируют присутствие племён с «позднесакской этнокультурной основой», пришедших с Кавказа на территорию Казахстана и Средней Азии [50., с. 112].

Саки (греч. «Сукута», древнеперс. «Сугуда», т.е. Согдиана) этимологически связаны с восточноиранским «сака» [50]. Согдиана на Кавказе неоднократно упоминается античными авторами. Дионисий Периегет (740) описывает её к северу от Аракса: «За ними, на востоке, на противоположном берегу шумной реки Аракс, населённой массагетами... К северу от них [живут] хоразмийцы, за которыми [находится] земля Сугдиана, через которую протекает священный Окс, стекающий с горы

Эмод в Каспийское море». И.В. Пьянков и Л.С. Клейн подтверждают, что Араксом в античности называлась только река в Закавказье [46., с. 20].

Руф Курций (IV, 5(5)), описывая маршрут Александра Македонского, также указывает на присутствие согдийцев на Кавказе: «Когда-то он ещё пройдёт через Мидию, Гирканию, Бактрию и достигнет индов, живущих у океана? Не говоря уже о согдийцах, арахосиях и о других племенах, населяющих Кавказ и достигающих Танаиса». Перечисление стран с юга на север — от Мидии через Кавказ до Северного Каспия (Океана) — позволяет идентифицировать «другой Танаис» как совместное русло Волги и Дона (Эридана и Родана), проходящее через Мангышлакский порог в Средний Каспий [98., с. 143].

В средневековых картографических схемах, проанализированных Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосиновым и А.А. Фроловым, Танаис нередко изображается как пролив между океаном и морем [39., с. 106]. Это согласуется с предлагаемой моделью, согласно которой под Танаисом подразумевается русло палео-Волги, соединяющее Северный Каспий (Океан) через Мангышлакский порог со Средним Каспием (Каспийским морем).

Если ранние древнеионийские мыслители считали границей Европы и Азии реку Фасис (Риони), то позднее название Танаис закрепилось за рекой Алазань. В античный период Алазань впадала в бассейн Южного Каспия; после образования единого Каспийского бассейна её устье сместилось, и она стала впадать в Куру (ныне — в Мингечаурское водохранилище). Арриан (3.30.6–7) сообщает: «Александр ... пошёл в Мараканды — столицу Согдианы. Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса ... находятся тоже на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море». Это описание полностью соответствует реке Алазань, которая берёт начало в горах Большого Кавказа и в античности впадала в Гирканское море (Южный Каспий). Образование единого Каспийского бассейна привело к изменению устья Куры (до середины I тыс. н.э. оно находилось у Мингечаура), вследствие чего Алазань стала притоком Куры, утратив прямое соединение с Гирканским морем. Таким образом, географическая локализация Танаиса, зафиксированная античными авторами, соответствует реке Алазань, вблизи которой располагалась Согдиана — Шака (современный город Шеки).

Гидрографические изменения и перенос топонимов были следствием, как природных трансформаций, так и миграций народов.

Отсутствие упоминаний Кангха в античных источниках (Геродот, Полибий, Страбон, Трог Помпей, Плиний, Птолемей) объясняется тем, что данное государственное образование сложилось именно после миграции персидских племен через море Воорукаша. Официальные ахеменидские источники конца V–IV в. до н.э. фиксируют в районе Средней Сырдарьи группу племён *Saka Tigrahauda*, а в Семиречье — *Saka Naumavarga* [8., с. 23]. Эти данные косвенно подтверждают, что миграция персидских племён с Кавказа и из Северного Прикаспия послужила непосредственным фактором возникновения «кочевого государства» Кангюй в западной части Центральной Азии.

3.3. Свидетельства античных авторов о саках и аланах в контексте географии Каспийско-Кавказского региона

С.П. Толстов обратил внимание на следующее расхождение между источниками: «античные и древнеперсидские источники знают только Хорезм, не зная Кангхи, китайские источники Ханьского времени, так же как индийские, знают только Кангху, не зная Хорезма» [89., с. 21].

Античные авторы описывали племена бактров, саков и хорасмиев, локализуя их к западу от Каспийского моря. Согласно Арриану (5.5.2): «... Гора Тавр делит Азию; доходит оттуда до Армении; от Армении же идёт к Мидии, вдоль земли парфиев и хорасмиев».

Возникновение названия «Кангха» исследователи связывают с переходом персидских племён через море Воорукаша. Как полагают, единственный античный источник, в котором можно усмотреть указание на имя Кангха, — это сведения Аммиана Марцеллина о расселении аланов, почерпнутые им из аланской информации (XXXI, 2.16): «С другой стороны, поблизости от места обитания амазонок, смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многочисленных и великих народов, обращённых к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море».

Приведённый фрагмент порождает ряд вопросов о географической локализации амазонок, индов, реки Ганга и Южного моря.

Амазонки. Легендарные амазонки, к востоку от которых обитали аланы, локализовались на Большом Кавказе [114]. Амазонские мотивы осетинского нартского эпоса уникальны; они также присутствуют в черкесских и карачаевских преданиях о борьбе их предков с легендарными еммеч — женщинами-воительницами, обитавшими на Северном Кавказе [30].

У Эсхила амазонки связываются с Колхидской землёй (Prom. vinct. 416–418) и с Фасисом (Choerob. Egeg. in Н. Е. р. 41), что прочно привязывает их к Кавказскому региону [68., с. 22]. Горные реки Кавказа — Терек, Ардон и другие — по праву носят названия «Буйная», «Дикарка». Река Ардон (осет. Арыдон — «бешеная река») протекает по глубокому Алагирскому ущелью. Горные перевалы, по ущельям которых реки стекают как на север, так и на юг, служили проходами в Закавказье. Эти перевалы вели к амазонкам, жившим рядом с гаргарами (вайнахами), а также гелами и легами (Страбон, XI, 5, 1–3). Здесь расположена Хевсуретия — горная область Грузии, граничащая с Чечнёй и Ингушетией на севере, а также с Азербайджаном и Дагестаном (гелы и леги — прим. авт.).

В изложении Плутарха амазонки располагаются в тех частях гор, которые спускаются к Гирканскому морю (Плутарх, Помпей, XXXV). Гай Юлий Солин отмечал (5.17.1), что области киммерийцев и амазонок «простираются до самого Каспийского моря, которое омывает азиатские просторы, а потом позади Скифии сливается с Океаном».

Если Солин и Помпоний Мела помещают амазонок недалеко от Каспийского моря, а Плутарх — «в тех частях гор, которые спускаются к Гирканскому морю», то Плиний указывает, что племя амазонок «живёт до Каспийского и Гирканского моря» (VI, XIV.35). Таким образом, к востоку от амазонок (до западного побережья Среднего Каспия), согласно античной традиции, обитали сарматские племена, в том числе аланы.

Южное море Геродота

Какое море Геродот называл Южным морем? В одном фрагменте он сообщает: «... а киммерияне, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов» (IV, 13). И далее: «11. Скифы-кочевники жили сначала в Азии, потом были потеснены во время войны массагетами

и, перешедши реку Аракс, удалились в киммерийскую землю» (IV, 11). Из этих двух свидетельств следует, что движение племён происходило с севера на юг: скифы были вытеснены за Аракс и заняли земли киммерийцев, локализовавшихся в бассейне Южного Каспия.

Упоминание киммерийцев, вытесненных скифами, с указанием, что они жили у южного моря, а также переход через реку Аракс позволяет заключить, что Геродот под Южным морем понимал бассейн Южного Каспия.

Античные истоки локализации индийских народов в Кавказском регионе: от Геродота до Птолемея

Вопрос о прародине ариев остаётся дискуссионным. Исследователи локализуют территорию совместного проживания предков иранцев и индийцев в Передней или Средней Азии, а также в южнорусских степях [22., с. 56]. Э. Херцфельд заключает, что представление о гористой и лесистой земле близ Понта Эвксинского как об индийской территории восходит к Скилаку [70., с. 18]. Своё убеждение, что Бактрия, Гандхара и Пенджаб входили в состав Мидийской империи, а в дальнейшем и в Персидскую державу Кира, он датирует мидийским завоеванием региона Инда до 612 г. до н.э. Указанные выводы базируются на описаниях античных авторов.

В главе 3 «Вторжение скифов в Азию» своего труда «История» Геродот помещает Индию на территории Кавказа (I, 104): «От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живёт только один народ — саспиры; миновав его, будешь в Индии» [52., с. 68].

Прежде мидяне называли себя ариями, и проживание индов на этой территории зафиксировано в древних источниках. «К 674 г. до н.э. ... в результате мощного народного восстания ассирийцы были полностью изгнаны из индийских областей, и здесь, в 70-е годы VII в. до н.э., возникло Мидийское царство» [42., с. 58]. Описания земли индов относятся к территории к западу от Каспия. Как отмечал Э. Гарвин: «Янг не знает каких-либо свидетельств о мидийском доминиионе к востоку от Каспия» [34]. Следовательно, страны, входившие в состав мидийского

доминиона — Бактрия, Гандхара и Пенджаб, а также ряд других государственных образований — до походов Александра Македонского располагались на Кавказе.

Греческий географ Клавдий Птолемей (II в.) в своём «Географическом руководстве» перечисляет 29 городов и селений Кавказской Албании. Среди них он называет город Гайтару. В тексте Птолемея (кн. V, гл. II, с. 2) о городах сказано: «За устьем реки Соаны — город Телайба... устье реки Албан — город Гайтара, за которым устье реки Кира (Куры)». В другом месте (кн. VIII, гл. 19, с. 7) Птолемей именует его Гангара. На карте Птолемея город Гангара на западном побережье Каспийского моря выступает на восток, далеко вклиниваясь в морскую акваторию.

Река Ганга в античных источниках: кавказская локализация и идентификация

В индоарийском названии города Гангара (Гетара) отчётливо прослеживается корень «Ганга». Античные авторы упоминали реку Ганга на западном побережье Каспийского моря. Географическая картина, описанная Аррианом, полностью укладывается в разработанную автором палеогеографическую модель Каспийского моря, состоящего из трёх обособленных бассейнов (кн. V, 26, 2): «... пройти до реки Ганга и до Восточного моря. Оно же, утверждаю я, соединяется с Гирканским морем; Великое море обходит ведь всю землю. Я покажу македонцам и нашим союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским, и Гирканское море, сливающееся с Индийским».

Согласно древнеионийской философской традиции, Каспий находился на границе двух океанов — Северного и Восточного, причём последний сливался с Индийским океаном. Арриан, говоря о Гирканском море, в одном отрывке (V. 26. 2) отмечает, что оно сливается с Индийским (океаном или морем), а в другом (V. 5. 4) — что оно является заливом Великого моря. Страбон (XI, 11. 6) указывал: «... навигаторы могли бы пройти от Индийского до Гирканского моря, следуя по побережью, — (это) не принято всеми, но Патрокл говорит о нём, как о возможном». Под «Индийским, Восточным морем» здесь подразумевался Северный Каспий, тогда как Гирканское море располагалось в бассейне Южного Каспия. Следовательно, и Арриан, и Страбон фиксировали отдельное существование каспийских бассейнов.

Вблизи Мангышлакского порога, который считался отрогом Большого Кавказа (Индийского Кавказа), у Меотиды обитали племена синдов. При этом Средний Каспий рассматривался античными авторами как часть Меотиды. Следы присутствия синдов в районе Меотиды (Среднего Каспия) прослеживаются, возможно, в названии племени миатов из селения Миатлу в Дагестане, сохранившего свой язык вплоть до начала XIX в. «... о них как о древних обитателях края упоминали Плиний и Страбон» [13., с. 21].

Согласно Арриану (кн. 5. 5. 4): «Этот Кавказ простирается до Великого Индийского моря, лежащего к востоку (от Кавказа – прим. авт.)», — что соответствует восточной части Северного Каспия. В древнеионийской схеме к северу от Каспия находился Северный Океан, а к востоку — Восточный, Индийский.

Индоарийские названия присутствуют также в обозначениях городов Кавказской Албании. Клавдий Птолемей в «Географическом руководстве» перечисляет города Албании, в том числе имеющие индоарийские корни: «Из городов Албании, Гангара (или Гетара) имеет самый длинный день в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/4 часа (кн. VIII, гл. 19, Карта Азии III. 7)» [52., с. 1094]. Вероятно, албанский город Гангара стоял на реке, называвшейся в древности Гангой, — реке, протекавшей по землям Албании вдоль Среднего Каспия и впадавшей в Южное море.

Согласно Страбону (II, 1.4–5; II, 5.18, 32; XV, 1.11–13) и Аммиану Марцеллину (XXXI, 2. 16): «Владения аланов простираются, как я узнал, до самой реки Ганга, пересекающей Индийские земли и впадающей в южное море». Племенное объединение алан располагалось в Предкавказье и Северном Прикаспии. Река, берущая начало на Кавказе и впадающая в Южное море (бассейн Южного Каспия), — это палео-русло Самура. На схеме академика П.З. Мамедова (рис. 1), основанной на геолого-геофизических исследованиях, показано русло палео-Самура, которое впадало в Южный Каспий (Южное море) через Апшеронский порог в районе современного Баку.

Согласно «Авесте», «(горы) Албурз. (Среди них) имеется высокая гора Хугар, Тирак, Албурз, Высокая (гора) Хугар — та, с которой, с высоты, (равной росту) тысячи человек, устремляются вниз воды Ардвисура моря

Фрахвкард, в которое вливается вода с (горы) Хугар». Море Фрахвкард (Южное море Геродота) — это Гирканское море античных авторов, т.е. бассейн Южного Каспия.

Самур, протекавший по территории Албании, и есть та река Ганга, которую античные авторы связывали с индскими племенами. Гидроним «Самур» полностью соответствует описанию Страбона и Аммиана Марцеллина. Персоязычные племена именовали эту реку Ардвисурой (Ардвисура). На северную прародину указывает и мифологема «Авесты»: в Ардвисур-яште (V) богиня Анахита изображена в бобровой шубе [49а., с. 246–248].

Согласно этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера, предполагается связь названия Самур с тур., крым.-тат. *samur* «соболь». Клавдий Птолемей в «Руководстве по географии» сообщает, что с Рипейскими горами (горы Большого Кавказа) граничила область расселения саваров (III, 5.22). Ряд исследователей, связывают топоним Шабран (западная часть Среднего Каспия), в северо-восточной Албании, с суварями, «В северо-восточном Азербайджане, в бывшем Кубинском уезде в XIX веке были остатки Галейисувар – «крепость сувар». В архивном документе зарегистрирован на территории Кубинского ханства кишлак Галей Сувар и селение Суварли» [34а]. Вероятно, племена суваров, жившие в регионе Самура, по обилию соболей и бобров в ее дельте придали названию реки этот смысл.

Согласно «Авесте» и «Бундахишн», с гор Хара Березайти, с одной из вершин Хукаръе, берёт начало мощная водная артерия — река Ардвисура. Она впадает, образуя широкую дельту, в море Воорукаша: «3. Молись великой, славной, величиною равной всем водам, взятым вместе, текущим по земле. Молись текущей мощно от высоты Хукаръа до моря Ворукаша» (Авеста. Гимн Ардвисуре (Яшт 5, «Ардвисур-яшт»), с. 2). Это современная река Самур, имеющая истоки в горах Кавказа и впадающая в Средний Каспий (в так называемое море Воорукаша). По версии О.Н. Трубачёва, название «Самур» происходит из индоарийского *samudrá* — «обилие воды», «паводок», «разлив» (ср. «величиною равной всем водам, взятым вместе»).

С.П. Толстов, рассматривая фрагмент Аммиана Марцеллина применительно к территории Средней Азии, отметил, что «граница

расселения алан примыкает к Кангюю, и что к Индийскому Гангу их территория никакого отношения не имеет», а под рекой Гангом, впадающей в Южное море, «можно видеть лишь Кангскую реку, впадающую в Аральское море, т.е. Аму-Дарью» [89., с. 22].

Сарматские и сакские племена, территория которых доходила до реки Самур (Самудра — Ардви-Сура древних персов), называвшейся индами Ганга, перешли через море Воорукаша по Мангышлакскому порогу в Среднюю Азию. Здесь они заложили основу государства Кангха, название которого созвучно имени реки Ганга.

Таким образом, переход персидских племён — саков — с Кавказа и с западного побережья Каспия через Мангышлакский порог (по морю Воорукаша) на территорию Казахстана и Средней Азии привёл к созданию на новой земле «кочевого владения» Кангха. В исследовательской литературе Кангюй воспринимается как «государство с позднесакской этнокультурной основой» [54., с. 36].

3.4. Географическая локализация государства Кангюй: дискуссионные аспекты

Географическая локализация Кангюя продолжает вызывать дискуссии среди исследователей. Сложность определения границ кочевых владений обусловлена их образом жизни. Мобильность кочевников зависит от наличия пастбищ, источников воды и степени агрессивности окружающих племён; они перемещаются вслед за своими стадами. Отсутствие необходимости в постоянных жилищах делает невозможным создание городов и фиксированной столицы. Границы кочевых образований размыты, а ставки племенных центров мигрируют. Включение кочевых племён в устойчивую систему мирового экономического круговорота привело к необходимости создания централизованного государственного образования — Кангха.

Кангюйское государство возникло как результат синтеза позднесакского государства и местных культур. Вожди возникшего государства были пришельцами. В отличие от хроники «Ши цзи», где Кангха описывалась как слабое государство, в хронике Фань Е «Хоу хань шу» («Трактат о западных землях») сообщается, что народ уже живёт «внутри глиняных стен», и через два столетия часть населения выглядит более оседлой. В

настоящее время ряд исследователей предполагают, что основную территорию кангюйской державы составляют три археологические культуры: каунчинская на юге (в Ташкентском оазисе) со столицей на городище Канка; кенкольская на востоке (с III в. н.э. на территории северо-западного Кыргызстана); и между ними — оттарско-каратауская культура [8., с. 25].

Согласно китайским источникам, во II в. до н.э. Согдиана, Хорезм, а также Средняя и Нижняя Сырдарья составляли единое государство — Кангюй, центр которого располагался в 2000 ли (около 1000 км) к северо-западу от столицы Ферганы Гуйшаня (Касан). «Кангюй смежен с Даванью» (Иакинф, Собр. свед. III, G).

Учитывая относительность границ кочевых владений, ключевыми словами здесь являются «смежно» и «2000 ли от Давани на северо-запад». Указание «Цянь-Хань-шу» о том, что Аньси (Парфия) «на севере граничит с Кангюем», а при описании Ферганы (Давань) отмечается: «от Давани на запад до государства Аньси (парфянский Иран)» [21., с. 142], подтверждает, что Кангюй расположен к северо-западу от Давани.

Таким образом, С.П. Толстов решает уравнение Кангюй = Хорезм [89., с. 20]. Этот вывод согласуется с нашим мнением, которое опирается на ключевое слово «смежно» и указание направления на «северо-запад».

3.5. Кангюй в системе международного товарного, культурного и идейного обмена (Великий шёлковый путь)

Первый этап политического усиления и экономического роста Кангюя начинается приблизительно в 20 г. до н.э. — 60–70 гг. н.э. Новый этап социально-политической истории Кангюя отражён в хронике Бань Гу «Цянь хань шу» (или «Хань шу»). После 20 г. до н.э. Кангюй активно включился в ту сферу международного товарного, культурного и идейного обмена, которая была условно названа в 1877 г. немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном в его сочинении «Китай» как «Великий шёлковый путь» [8., с. 30].

«Северная дорога» в I в. н.э. вела из новой китайской столицы Лоян через Фергану, Кангюй и Янцай / Аланьяо. До начала III в. н.э. зона контроля Кангюя над глобальным торговым маршрутом простиралась до владений Рима / Дацинь [8., с.44]. Подчинив своему влиянию близлежащие

государства Давань, Янцай и Янь, усилившееся государство Кангюй контролировало торговый маршрут до Северного Причерноморья, находившегося под протекторатом Рима (Дацинь). Н.Е. Берлизов полагал, что торговля велась не через множество посредников, а многочисленные караваны, сформированные в Китае, непосредственно достигали Чёрного моря [18., с. 33–34].

Для рассмотрения условий формирования данной торговой трассы необходимо определить географические границы государства Янцай, его этнический и социальный статус в мегапроекте Шёлкового пути.

ГЛАВА IV. Государство Янцай/Алания как ключевое звено транскаспийского маршрута «Северного пути»

4.1. Границы и источниковедческая база государства Янцай/Алания

Китайские источники содержат подробные сведения о странах, вовлечённых в экономический круговорот: Янцай, Кангюй, Давань и др. Государство Янцай локализовалось исследователями на обширных территориях — от восточного побережья Аральского моря и реки Талас до Мугоджар, Южного Урала, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Крыма. Определение границ древних государств осложнено кочевыми условиями их существования. Столицы, как правило, имели временный, сезонный характер, укреплялись рвами и деревянными стенами. Ханьские источники по этому поводу отмечали, что у иноземцев нет прочных стен (XIII, 70) [91., с. 22].

4.2. Этническая идентификация: аорсы и аланы

Страна Яньцай отождествляется с территорией расселения племён аорсов, следы которых прослеживаются на северо-западе Прикаспийской низменности. Об аорсах в этом регионе сообщает Страбон (XI, 5.8): «... верхние Аорсы ещё больше. Они занимали большую страну, владели почти и всем самым длинным Каспийским берегом (северо-западная часть) так, что вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от Армян и Мидян». Согласно выводам Ф. Хирта, термин «Яньцай» представляет собой китайскую транскрипцию названия «аорсы» [30].

Янцай был захвачен аланами, пришедшими в Кангюй с Алтая и Восточного Синьцзяна и состоявшими в родстве с аорсами. Согласно мнению С.А. Яценко, аланы являются результатом синтеза усуньских и кангюйских групп [8., с.67]. В. Минорский считал этнонимы «аорсы» и «аланы» идентичными [49]. Название «Яньцай» было переименовано в «Аланья», термин которого восходит к *arjana* («благородный») периода индоиранской общности.

4.3. Переименование Янцай в Аланию и подчинение Кангюю

Яньцай в конце II в. до н.э. являлся одной из ведущих военно-политических сил региона. Бань Гу в хронике «Цянь хань шу» в конце I в. до н.э. отмечал его как независимое государство. Согласно ольвийской надписи, найденной в 1984 г. в Крыму у подножия Мангупа (49–50 гг. н.э.), страна аорсов именовалась Великой Аорсией [105., с.217].

Переименование Янцай в Аланию происходит одновременно с подчинением страны Кангюю. В хронике «Хоу хань шу» Фань Е Янцай помещён в конце списка трёх вассалов. Появление алан в Восточной Европе по западным источникам хронологически совпадает с переселением в Кангюй в конце I в. до н.э. 80 000 усуней Бихуаньчжи. Передвижение в середине I в. н.э. соплеменников Бихуаньчжи на запад привело к подчинению Янцай Кангюю между 25 и 50 гг. н.э. и переименованию Янцай в Аланию (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 12–13) [8., с. 67–68].

На пастбищах аорсов в низовьях Дона, сираков Кубани, переместившихся западнее Днепра, а языгов к устью Дуная, оказываются аланы, включившие в новое государство Алания оставшихся представителей сарматских племён. С.П. Толстов приходит к выводу: «Вся позднейшая история алан делает гораздо более правдоподобной определение местоположения центра Яньцай в Северном Прикаспии» [89., с.22]. Исследователи на основании археологических данных приходят к заключению, что «считать Южное Приуралье районом оформления роскошной среднесарматской культуры и называть “центром” аланских владений сегодня нет археологических оснований» [8., с.64]. Концентрацию носителей позднесарматской культуры в этом регионе они отмечают гораздо позже — во II в. н.э.

4.4. Географическая локализация Алании по данным древнекитайских источников

Китайская историческая литература выводит Янцай на северо-запад от Кангюя. Если рассматривать Кангюй в регионе Хорезма, то территория от него на северо-запад до устья Дона и Северного Причерноморья неизбежно проходит по сухопутному Мангышлакскому порогу. Как подтвердили археологи, северное побережье Каспийского моря до II в. н.э. не было активно задействовано.

Эту географическую локацию содержат все древнекитайские источники. Китайский посол Чжан Цянь, посетивший Канцзюй, приводил сведения о стране Яньцай, находящейся в 2000 ли к северо-западу от Канцзюя: «По обычаям сходны с Канцзюем, могут выставить 100 с лишним тысяч конных лучников. Живут у моря с низкими берегами — Бэйхай (Северное море), вероятно Каспийское море» [21., с. 150].

Более подробная, чем в «Ши цзи», информация о Кангюе содержится в хронике китайского историка Бань Гу «История Старшей династии Хань» (середина I в. н.э.), где сообщается: «В 2000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай, которое имеет до 100 000 войска и в основных чертах совершенно сходствует с Кангюем. Оно прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это есть Северное море» [57].

«Хоу Хань шу» дополняет важными сведениями о Яньцай: «356. Государство Яньцай — это хэсу. В ВЛ сказано, что на западе они сносятся с Дацинь (Рим), на юго-востоке граничит с Кангюй... В XXIII приводится короткая (всего 32 иероглифа) справка о государстве Яньцай, название которого изменено на Аланья» [101., гл. 88, с. 176, 2–5].

В дополнении из «Шофанбэйчэн» повествуется о Яньцай: «Яньцай другие называют Хэсу. Во время Хань [ской династии] с ним открыто сообщение. На западе смежно с Дацинь (Рим), на юго-востоке, на протяжении 2000 ли смежно с Кангюй. Лучников 100 000 с лишком. С Кангюй одинаковые обычаи, и [страна] подвластна Кангюю. Прилегает к Большому безбрежному озеру, это именно Северное море. На высоком берегу много елей и сосен, белой травы и соболей, пасут скот, следуют за водой и травой. Со времени Поздней Ханьской династии переменили имя на государство Аланья» [104., ч. I, гл. 7, гл. 31, стр. 186].

В источнике Хэ Цю-тао «Шофанбэйчжень» («Полное описание северной границы») 1851 г. добавляются сведения о «высоком берегу озера с множеством сосен, елей и белой травы» [51., с. 180].

4.5. Ключевые признаки географической локализации Янцай/Алании

Информация древнекитайских историков о стране Яньцай отличается достаточно чёткими географическими ориентирами и позволяет выделить три основных признака, определяющих географическое положение государства Янцай/Алания.

Первый признак: номинация моря и её связь с Северным Каспием

Второй признак: противоречивые указания о берегах и этимология названия.

Третий признак: топография смежности и анализ расстояний, направлений («северо-запад») Алании с Кангюем и Дацинем.

4.5.1. Первый признак: номинация моря и её связь с Северным Прикаспием

Море, у которого располагался Яньцай, в источниках называется «озером / болотом» и «Северным морем» (Бэйхай), в отличие от «Западного моря», упомянутого в «Ши цзи» (123, XIII, 95), которое также соотносится с Каспийским морем. Согласно античным авторам, Северное море (океан) является одним из названий Северного Каспия. Как отмечается: «263. Океаном Посидоний называет Каспийское море, считавшееся, по распространённому в древности представлению, заливом Северного или Восточного (Индийского) океана» [52., с. 465].

В соответствии с разработанной автором палеогеографической схемой Каспийского моря (рис.7), в античный период состоявшего из трёх обособленных бассейнов, Северный Каспий рассматривался как составная часть Северного океана (моря), а Средний Каспий (Каспийское море) – как его залив. Северный и Средний Каспий имели различные наименования: море Воорукаша, Белое море, Северное море (Бэйхай) и др. Западное море древнекитайских источников, как было показано выше, соответствует бассейну Южного Каспия – Гирканскому морю античных авторов.

Справка Хэ Цю-тао о том, что Яньцай – это «северная часть западной покатости, земля близ Белого моря (Бо или Байхай)» [51], локализует

Яньцай в северо-западном Прикаспии. В той же справке указывается: «2. Его [Яньцай] север был близ большого безбрежного озера. Без всякого сомнения, это было Северное море [Бэйхай]» [51]. Данное примечание предполагает, что Северное море (Северный Каспий) находилось к северу от государства Янцай (включавшего в себя Мангышлакский порог), т.е. к северу от Мангышлакского порога.

Анализ древнекитайских источников позволяет заключить, что государство Янцай не могло располагаться севернее Каспийского моря. В Южном Приуралье находилась страна Янь, лежавшая к северу от Яньцай [91., с. 59–60]. Следовательно, государство Янцай размещалось на сухопутном Мангышлакском пороге, к северу от которого располагались Северное море и далее страна Янь.

4.5.2. Второй признак: противоречивые указания о берегах и этимология названия

Информация о берегах Северного/Каспийского моря (озера) противоречива: с одной стороны, берега характеризуются как пологие и низкие, с другой – отмечаются высокие берега. Если в «Ши цзи» сообщается о низких берегах Северного моря (Бэйхай), то в значительно более позднем источнике 1851 г. Хэ Цю-тао «Шофанбэйчжень» появляются сведения о высоком берегу озера с множеством сосен, елей и белой травы [51., с. 180].

Объяснение данной противоречивости может быть найдено при рассмотрении этимологии названия «Яньцай». Иероглифическое написание «Яньцай» означает «Бескрайние степи», «Обширные пастбища» [91., с. 37], что предполагает низкие берега Северного Каспия с его глубинами до 5–7 метров и прилегающими бескрайними степями. В то же время основа «Янь» в названии Яньцай буквально переводится как «Утёс», «Скала», «Пропасть» [91., с. 37], что наилучшим образом соответствует геоморфологии Северного Каспия и скальным обнажениям Мангышлакского порога. Таким образом, двойная семантика названия отражает реальные природные особенности региона: обширные низменные равнины и наличие скалистых уступов.

4.5.3. Третий признак: топография смежности и анализ расстояний, направлений («северо-запад») Алании с Кангюем и Дацинем (Римом)

Чрезвычайно важная информация, передаваемая практически всеми китайскими источниками, гласит: «на западе они сносятся (смежно) с Дацинь (Рим), на юго-востоке граничат (смежно) с Кангюй». Фразы из «Шофанбэйчэн» и «Хоу Хань шу» о том, что территория Алании «смежна» на юго-востоке с Кангюем, а также равнозначная фраза из «Истории Старшей династии Хань»: «В 2000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай...», предполагают наличие сухопутной границы между этими государствами. Слово «смежно» в китайской географической традиции указывает именно на соседство, сухопутную сопредельность.

С другой стороны, те же источники сообщают: «На западе смежно с Дацинь...». Дацинь идентифицируется с Римской империей. Аланы в районе устья Дона имели к западу от себя Северное Причерноморье – Дацинь, что также свидетельствует о сухопутной границе. Следовательно, вся трасса от Кангюя до устьев Дона проходила сухопутно: от Давань (Ферганы) на северо-запад, через Кангюй, снова на северо-запад к Алании на Мангышлакском пороге к северо-западному Прикаспию и от Дона на запад к Северному Причерноморью. Географическая локализация Северной дороги неизбежно включает Мангышлакский порог как ключевое звено Великого шёлкового пути.

В III в. н.э. в «Обзоре династии Вэй» на северо-запад от Кангюя до Северного Причерноморья отмечены: государство Лю, государство Янь и государство Яньцай (называемое Алань). Страна Янь располагалась в Южном Приуралье к северу от Яньцай [91., с. 59–60]. Страны Лю и Яньцай граничили с зоной влияния Рима. Речь идёт о сарматах Дона и Волги, с археологически выделенными Б.А. Раевым памятниками алан в устье Дона [8., с. 38].

Многие северопричерноморские полисы признали свою зависимость от Рима. Боспорское государство, располагавшееся в Крыму (Европейский Боспор) и на Тамани (Азиатский Боспор), с торговым центром Танаис в устье Дона, признало свою зависимость от Рима; в города были введены римские гарнизоны [91., с. 39]. Здесь начиналась территория Рима – Дацинь. «А ведь общеизвестно, что сарматы в описываемый период активно контактировали с римскими колониями в бассейне Азовского моря (Дацинь)» [88].

На основе анализа древнекитайских источников автор приходит к выводу, что государство Янцай, располагавшееся к северо-западу от Кангюя, включало в свою территорию сухопутный Мангышлакский порог и простиралось до Северного Причерноморья.

4.6. Историография границ государства Алания (Яньцай)

Среди исследователей отсутствует единство в определении границ Яньцай – Алании. Государство (Яньцай) локализовалось на различных территориях — от восточного побережья Аральского моря и реки Талас до Мугоджар, Южного Урала, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья, Северного Кавказа и Крыма. Археологические поиски столиц Кангюя и Яньцая затруднены тем, что они могли представлять собой обычные кочевые ставки вождей номадов, укреплённые рвами, валами и деревянной стеной — по типу построенного Чжичжи города. «Ханьцы по этому поводу отмечали, что у иноземцев нет прочных стен (XIII, 70)» [91., с. 22].

Согласно китайской историко-дипломатической традиции, расстояние между государствами определялось как дистанция между их столицами или ставками. Поскольку Кангюй являлся кочевым владением, его границы становились относительными, что в определённой степени отражалось и на определении границ Яньцая.

Другой отправной точкой для определения границ Яньцая и Кангюя может служить локализация Северного моря. С.А. Яценко определил его по трём параметрам: расстоянию, географическому направлению и соседству с Кангюем. В качестве особенностей местности Северного моря были выделены: обилие болот и низкое побережье у восточных берегов. Учитывая, что в III в. до н.э. – I в. н.э. уровень Аральского моря повышался и площадь болот была больше обычного, С.А. Яценко идентифицировал Северное море как Аральское [8., с. 36].

Версию С.А. Яценко о расположении Яньцая в районе северного устья Сырдарьи, в Восточном Приаралье, поддержали Б.А. Литвинский, Л.А. Боровкова, А.А. Цуциев и др.

С.Г. Боталов, опираясь на текст Страбона о торговой активности и богатстве верхних аорсов Северного Прикаспия, определяет территорию Яньцая как простирающуюся от Волги до Аральского моря [23., с. 167].

С.П. Толстов рассматривал Янцдай как область аланов, охватывающую степи от Приаралья на западе до Северного Кавказа [89., с. 22]. Исходя из археологических расчётов, отождествляющих Кангюй с Хорезмом [89., с. 20], С.П. Толстов пришёл к выводу о локализации центра Янцдая в Северном Прикаспии [89., с. 22]. Однако, согласно выводам автора настоящего исследования, рассматривая территорию Каспийского моря как единый бассейн, С.П. Толстов не включал сухопутный Мангышлакский порог (как центральную часть Алании) в систему Северной дороги Великого шёлкового пути.

4.7. Вывод о географическом положении государства Янцдай

Согласно китайским источникам, начиная со II в. до н.э., государство Кангюй располагалось в 2000 ли к северо-западу от столицы Ферганы Гуйшаня (Касан). Территория Алании, как указывается, «смежна» на юго-востоке с Кангюем, что предполагает наличие сухопутной границы между этими государствами.

Если провести на карте линию от Ферганы (Давань) на северо-запад, а затем через Хорезм далее на северо-запад к Янцдай, мы неизбежно приходим к Мангышлакскому порогу. Мангышлакский порог, таким образом, является составной частью территории Янцдай и его центром. На Мангышлакском пороге Северное море (Северный Каспий) находилось к северу от государства Янцдай. Простираясь от Хорезма (Кангюй) на северо-запад к Мангышлакскому порогу, а затем по нему к западному побережью Каспия, государство Янцдай – Алания доходило до Северного Причерноморья (рис. 8). Согласно античным и древнекитайским источникам, на Северном Причерноморье Алания граничила на западе с Римом (Дацинь).

Рис.8. Карта-схема Северного маршрута Великого шёлкового пути по Мангышлакскому порогу (составлена Халиловой Т.Ш., Халиловым Э.Н.).

Мнение Н.Е. Берлизова о том, что многочисленные караваны, сформированные в Китае, непосредственно достигали Чёрного моря [18., с. 33–34], на наш взгляд, является верным. Однако маршрут до II–III вв. проходил не по Северному Прикаспию, а через Каспийское море по Мангышлакскому порогу.

Разработанная автором карта-схема (рис. 8) выстраивает логистику Великого шёлкового пути с учётом расположения государств-участников мегапроекта вдоль этого маршрута. Караваны, выходявшие из Китая (Кашгара) и двигавшиеся на северо-запад по сухопутной торговой трассе: Давань (Фергана) → Кангюй (Хорезм) → Алания (по Мангышлакскому порогу), непосредственно достигали владений Дацинь (Рима) в Северном Причерноморье (желтый пунктир).

Вывод по Главе IV. Государство Янцай/Алания как ключевое звено транскаспийского маршрута «Северного пути»

Проведённый в четвёртой главе анализ древнекитайских и античных письменных источников, а также данных археологии и исторической географии, позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Источниковая база и сложность локализации.

Китайские хроники («Ши цзи», «Цянь хань шу», «Хоу хань шу», «Шофанбэйчэн») содержат устойчивый корпус сведений о государстве Янцай (впоследствии — Алания), которое исследователи локализуют на обширных территориях — от Приаралья до Северного Кавказа и Причерноморья. Определение точных границ затруднено кочевым образом жизни населения, отсутствием постоянных укрепленных столиц и сезонным характером ставок. Тем не менее, совокупность источников позволяет выделить три ключевых признака географической привязки: номинацию моря (Бэйхай / Северное море), топографическую смежность с Кангюем и Дацинем (Римом), а также семантику названия «Яньцай» («Бескрайние степи» / «Утёс»).

2. Этническая идентификация и политическая эволюция.

Государство Янцай отождествляется с территорией расселения племён аорсов (Страбон, XI, 5.8), контролировавших северо-западное побережье Каспия и участвовавших в транзитной торговле. В конце I в. до н.э. — середине I в. н.э. происходит переселение усуньских групп Бихуаньчжи на запад, что приводит к подчинению Янцай Кангюю и переименованию страны в Аланию (Аланья). Аланы, являясь результатом синтеза усуньских и кангюйских элементов (С.А. Яценко), включили в своё государство остатки сарматских племён (сираков, языгов, аорсов) и распространили влияние от Северного Прикаспия до устья Дона и Крыма.

3. Географическая локализация и роль Мангышлакского порога.

Китайские источники единодушно указывают, что Янцай расположен в 2000 ли (ок. 1000 км) к северо-западу от Кангюя (Хорезма) и «смежен» с ним на юго-востоке, а на западе граничит с Дацинь (Римом). Если нанести эти направления на карту, то трасса из Ферганы через Хорезм на северо-запад неизбежно выводит к **Мангышлакскому порогу**, который в античный период был сухопутным (при низком уровне Каспия). Таким образом, Мангышлакский порог являлся не только естественным мостом между Средним и Северным Каспием, но и **центральной территорией государства Янцай/Алания**, обеспечивавшей сухопутную связь между среднеазиатским Кангюем и причерноморскими владениями Рима.

4. Разрешение противоречий в описаниях берегов.

Разночтения в китайских источниках о характере берегов Северного моря (низкие — в ранних хрониках, высокие — в поздней «Шофанбэйчэн»)

объясняются двойной семантикой названия «Яньцай»: «Бескрайние степи» соответствуют низменным берегам Северного Каспия, а «Утёс / Скала» – скальным обнажениям Мангышлакского порога. Это подтверждает, что государство включало как прибрежные равнины, так и возвышенный порог.

5. Значение для реконструкции северного маршрута Шёлкового пути.

На основе синтеза письменных и палеогеографических данных автор приходит к заключению, что государство Янцай/Алания, контролировавшее Мангышлакский порог и прилегающие территории, было **ключевым звеном транскаспийского маршрута «Северного пути»**. Караваны, следовавшие из Китая (Кашгара) через Давань (Фергана) → Кангюй (Хорезм) → Алания (по Мангышлакскому порогу), могли напрямую достигать владений Рима (Дацинь) в Северном Причерноморье, минуя длительный объезд Каспия с севера или юга. Эта модель подтверждается как данными античных авторов (Страбон о торговле аорсов), так и археологическими памятниками алан в устье Дона (Б.А. Раев).

6. Дискуссионные аспекты и перспективы.

В историографии сохраняются расхождения в локализации Янцай (Приаралье, Южное Приуралье, Северный Прикаспий). Однако, представленная в главе аргументация, основанная на комплексном анализе расстояний, направлений («смежно», «северо-запад») и палеогеографической модели трёх каспийских бассейнов, убедительно обосновывает расположение центра Алании на Мангышлакском пороге и её простираение до Северного Причерноморья.

Таким образом, государство Янцай/Алания представляло собой обширное кочевое образование, ядром которого являлся сухопутный Мангышлакский порог. Контроль над этим порогом позволял аланам (и их предшественникам аорсам) обеспечивать беспрепятственное движение караванов между Хорезмом и Северным Причерноморьем, делая их **ключевым звеном в системе «Северного пути» Великого шёлкового пути** в античный и раннесредневековый периоды. Предложенная реконструкция снимает многие противоречия древних источников и открывает перспективы для новых исследований в Каспийском регионе.

ГЛАВА V. АЛАНЫ В ОРБИТЕ ТРАНСКАСПИЙСКОГО МАРШРУТА «СЕВЕРНОЙ ДОРОГИ»

5.1. Краткий анализ ранней истории асов, аорсов и алан: проблемы прародины и миграций

Исследование локализации прародины алан и их миграционных путей позволяет реконструировать глобальные политико-экономические и культурные процессы в Евразии. Этногенез алан требует междисциплинарной корреляции данных археологии, этнологии, антропологии, лингвистики и других дисциплин.

Историография аланистики основывается на двух основных подходах — автохтонистском и миграционном. Начиная с 1990–1993 гг. миграционная концепция М.И. Ростовцева привлекает всё большее внимание. В настоящее время большинство специалистов признают определяющее влияние культурного импульса племён, пришедших из Центральной Азии, на формирование среднесарматского культурного комплекса. Среди этих племён особая роль принадлежит аланам [83а., с. 11–12, 19–21, 25, 28]. Происхождение термина «алан» не вызывает в науке существенных разногласий; оно восходит к древнеиранскому *ариана* [9., с. 211–219; 37., с. 122–125]. Формы *Arii*, *alani* обозначали скифо-сарматские племена в греческих и латинских источниках [59., с. 78]. Геродот (VII, 62) сообщал о мидянах: «В древности все называли их ариями». Страбон (XV, VII, 24) причислял персов, мидян, бактрийцев и согдийцев к арийцам.

В монографии З.Н. Ванеева «Средневековая Алания» приведена обширная доказательная база тождества алан, упоминаемых римскими и арабскими авторами, осов грузинских хронистов и ясов древнерусских летописей [27].

С.А. Яценко выделил около семи различных теорий прародины ранних алан [8., с. 58]. Сложность проблемы обусловлена тем, что кочевые группировки в процессе перемещений смешивались с союзными и покорёнными племенами, включали в свой быт трофейные предметы и адаптировались к новым природно-хозяйственным условиям, что существенно затрудняет их идентификацию.

Прародину ариев Г.М. Бонгард-Левин локализует в Передней или Средней Азии, а также в южнорусских степях [22., с. 56]. Этногенез алан уходит

корнями в предгорные степи иранского Востока, где М.И. Ростовцев помещал прародину сармато-алан. Геродот (III, 93) относил сагартиев, утиев и мяков к XIV округу Персидской империи. Согласно Птолемею (VI.2, 5–6), эти племена располагались на северо-западе Мидии [4., с. 6]. Э. Херцфельд идентифицирует сагартиев с *Asagarta* в области Zikirtu (VIII в. до н.э.) между современными городами Тебриз и Ардебиль. «Не приходится сомневаться в тождестве Зикирту и её населения с Асагартой и сагартями» [52., с. 132]. В этом же регионе северо-западного Ирана Плиний (VI, XVIII. 48) упоминает аорсов: «хорасмы (Chorasmi), гандары (Gandari), париканы, заранги, арасмы (возможно, асссы — прим. авт.), маротианы (Marotiani), аорсы, гелы, которых греки называли кадусиями, матианы».

Следы алан фиксируются в гидрониме «Аланиачай» в Ленкорани, а также в названии племени и округа *alan* в Мукринском Курдистане [48., с. 51; 5., с. 114–129; 6., с. 72–88].

Проникновение европеоидного населения из Ирана на Алтай началось ещё в эпоху бронзы, в доахеменидский период [66]. Миграция асов, по-видимому, была растянута во времени; часть племён оседала на промежуточных территориях. Следы асов-алан прослеживаются в хорезмской топонимике, а также в археологических культурах Горного Алтая и Восточного Казахстана. Согласно ал-Бируни, в древности аланы обитали по соседству с Хорезмом. К числу археологических свидетельств присутствия алан относятся развалины Алан-кала на юго-восточной окраине Усть-Урта, относящиеся к Амирабадской культуре эпохи поздней бронзы (IX–VIII вв. до н.э.) на территории Хорезма [89., с. 69, 75]. Выделенная С.П. Толстовым Амирабадская археологическая культура древнего Хорезма сходна с «доскифскими» стоянками Северного Кавказа (Кобяково городище) [89., с. 69]. Волны миграции асов достигали западно-китайского Синьцзяна (могильники Алагоу, Нилка и др.) к югу от Алтайских гор.

Племена асов, достигшие Горного Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана, участвовали в формировании единой пазырыкской археологической культуры. Термин «пазырыкская культура» был введён на основании изучения более 650 погребений VI–III вв. до н.э. [47., с. 9]. Раннепазырыкский этап датируется приблизительно серединой VI – V вв. до н.э., позднепазырыкский — IV–III вв. до н.э. [47., с. 25, 30].

Материалы Пятого Пазырыкского кургана свидетельствуют о том, что супруга вождя происходила из Мидии. Данный вывод основывается, как на антропологическом типе женщины, так и на переднеазиатском происхождении сопроводительного инвентаря: ткани, чепрака и войлочного ворсового ковра (V в. до н.э.). На ковре, предположительно, изображены жители Передней Азии — «потомки тех, кто переселился на Алтай, в Минусинскую котловину, Туву и Западную Монголию ещё в эпоху бронзы» [66]. С.И. Руденко охарактеризовал лицо всадника как «ассироидное». Анализ красителей указал на их иранское происхождение. Фантастические существа с телом льва, крыльями и человеческой головой, изображённые на ковре, обнаруживают прямые аналогии в ассирийском искусстве. Сравнение профиля существа с войлочного ковра и ассирийского рельефа (музей Пергамон, Берлин) подтверждает их идентичность. По мнению С.И. Руденко, появление этих образов в искусстве Алтая было обусловлено доахеменидскими связями северо-восточных скифо-сакских племён с народами Передней Азии [66]. Анализ захоронения «Укокской принцессы» показал близость пазырыкского костюма к иранскому. Мужчина из Укока имел светлые рыжеватые волосы.

Каракольская культура представляет собой самостоятельное явление на территории Горного Алтая. Согласно одной из гипотез антропологов, появление населения Каракольского сельского поселения (Онгудайский муниципальный район Республики Алтай, РФ) связано с миграцией европеоидных групп из юго-западных районов Передней Азии. Погребальные памятники этой культуры, открытой В.Д. Кубаревым, обладают специфическими чертами: захоронения в каменных ящиках ориентированы по оси восток–запад и расположены внутри каменных оград кладбищ либо в насыпях более древних курганов афанасьевской культуры. На основании антропологического материала сделан вывод о связях племён Южного Алтая с населением современного Ирана со второй половины II тыс. до н.э. [66].

На новых территориях племена асов вступали в контакты с местным населением, сохраняя самоназвание «алан». Согласно сообщению генуэзца Барбаро (XV в.), аланы на своём языке именовались «ас» [48., с. 11]. В. Минорский полагал, что этнонимы «аорсы» и «аланы» идентичны [49].

В формировании пазырыкской культуры Горного Алтая участвовали группы, происходившие из иной природно-климатической среды. Факторы стресса, особенности высокогорья, резкие температурные колебания, близость к очагам инфекционных заболеваний отрицательно сказывались на состоянии здоровья. Средняя продолжительность жизни пазырыкцев с плато Укок составляла 30–40 лет; у них диагностирован комплекс хронических заболеваний [66].

Природно-климатические условия, военные угрозы со стороны соседей и перспективы участия в торговых операциях по оси «восток–запад» стимулировали движение асов-алан в западном направлении, в сторону родственных сарматских племён.

Археологи, исследующие сарматов европейских степей, квалифицируют алан как ираноязычные кочевые группы, происходившие из Казахстана, окраин Бактрии, Южной Сибири, Саяно-Алтая или Синьцзяна [8., с. 57]. Первая волна алан в северо-западном Прикаспии коррелирует с носителями пазырыкской культуры Горного Алтая и Восточного Казахстана. Саки Синьцзяна обнаруживают высокую языковую и антропологическую близость с сарматами Волго-Донского междуречья. На основании цепочки этнонимов «усуни – асианы – аланы – асы» была предложена усуньская версия, связывающая происхождение алан с миграцией «из Восточного Синьцзяна» [103].

Миграционные волны алан постепенно вливались в систему трансевразийских коммуникаций, получившую в литературе XIX в. наименование Великий шёлковый путь. Вовлечённые в экономический и культурный обмен, носители будущей среднесарматской культуры (асы – ассианы – усунь – аланы) во второй половине I в. до н.э. переместились из Синьцзяна и Горного Алтая в Европу через Усунь, Кангюй и Янцай на запад [8., с. 60]. К середине I в. н.э. в степных районах нижнего течения Дона, где прежде обитали аорсы, фиксируется появление ранее неизвестных мигрантов — алан

5.1.1. Социальная структура алан: военно-дружинная организация как феномен сарматского общества

Представители последней миграционной волны алан обладали собственной социальной и антропологической спецификой. Прежде всего,

знать нового аланского объединения не демонстрировала обособления социально-культурного и религиозно-идеологического характера от остальных соплеменников. В погребальной практике фиксируется развитая форма военной иерархии, организованная по дружинному принципу.

Позднесарматское общество, характеризовавшееся резким преобладанием мужского населения, было структурировано по типу мужских военных союзов. Исследователи предположили, что появившееся в первые века н.э. «понятие "аланы" должно восприниматься не как этноним или название племенного союза, а как название мужского союза» [91., с. 205].

М.Б. Щукиным была выдвинута гипотеза, согласно которой термин «алан» обозначал своего рода «рыцарский орден», состоявший из социальной верхушки сарматов. Данный орден включал «потомственных воинов-профессионалов, обладавших высокой выучкой и тайнами психофизической подготовки» [105., с. 119–120]. Поздние сарматы отличались от предшествующего сарматского населения своей воинской спецификой, а именно наличием тяжёлой конницы (катафрактариев) и легковооружённой конницы. Эта высокоагрессивная группа профессиональных воинов «являла собой антропологическую однородность с обычаем искусственной деформации черепа, несущим сословно-знаковую функцию» [13., с. 75].

Исследователи склоняются к выводу, что аланами (ариями) называлась социальная надплеменная прослойка воинов-профессионалов так называемых «азиатских скифов», связанная родственными узами с аристократическими домами различных кочевых объединений [90].

Миграционные волны алан постепенно вливались в систему трансевразийских коммуникаций, получившую в литературе XIX в. наименование Великий шёлковый путь.

5.2. Историко-географическая динамика алан и её отражение в мифологической традиции норманнов

Поиск прародины асов (алан) привлекает внимание исследователей к мифологической традиции. «Миф – это своеобразная форма истории, существовавшая у всех известных нам народов на ранних ступенях их развития» [64а]. В данном разделе рассматриваются основные положения

скандинавских мифов о богах и их происхождении в сопоставлении с историческими данными.

Тор – сын Одина и участие асов в Троянской войне. Согласно «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде», Тор считался сыном верховного бога — аса Одина [111]. В скандинавских мифах Тор (царь и бог асов) участвовал в войне на стороне троянского царя Приама.

В степях иранского Востока М.И. Ростовцев локализовал прародину сармато-алан. В Персидской империи в VIII в. до н.э. столицей области Zikirtu была Asagarta, которую Э. Херцфельд отождествляет с сагартями. Название Asagarta созвучно этнонимам «ассы» и «аорсы», упоминаемым Плинием (VI, XVIII. 48), который также фиксировал аорсов на северо-западе Ирана. Формы *Arii, alani* обозначали скифо-сарматские племена в греческих и латинских источниках [59., с. 78]. Это самоназвание алан Подонья и Северного Кавказа (участвовавших в формировании осетинского народа), которых русские летописи и венгерские источники именуют *ясами*, а грузинские — *осами*. Исследованиями В.И. Абаева и других учёных в осетинском языке выявлены общие элементы, связывающие его с латинским, германскими, балтийскими, славянскими и тохарскими языками [1., с. 10–13]. Археологические исследования указывают на вероятное родство асов, аорсов и алан, которые «на их собственном языке называются "ас"» [48., с. 11].

В битве Трои с греками, согласно И.М. Дьяконову, Ассирия оказывала помощь Трое [40., с. 29–30]. Не исключено, что аорсы-ассы, возглавляемые Тором и бывшие подданными Ассирии, участвовали в этом сражении в конце II тысячелетия до н.э. Поражение Трои (а также Ассирии) в Троянской войне и последующий упадок Ассирии, вероятно, послужили причиной перемещения части асов из Асагарты на северо-восток. Исследователи отмечали проникновение на Алтай европеоидного населения из Ирана в эпоху бронзы, в доахеменидский период [66], что хронологически совпадает с окончанием Троянской войны.

Предания о прибытии «из Азии». Скандинавские предания сообщают о прибытии норманнов «из Азии» [49]. Проникновение европеоидного населения из Ирана на Алтай началось ещё в эпоху бронзы, в доахеменидское время [66]. На основе антропологического материала был сделан вывод о связях племён Южного Алтая с населением

современного Ирана со второй половины II тыс. до н.э. [66]. Археологические материалы пазырыкской культуры Горного Алтая принадлежат «потомкам тех, кто переселился на Алтай, в Минусинскую котловину, Туву и Западную Монголию ещё в эпоху бронзы». С.И. Руденко охарактеризовал лицо всадника на пазырыкских находках как «ассироидное». Группы асов – ассиан – усуней – алан во второй половине I в. до н.э. переместились из Синьцзяна и Горного Алтая в Европу через Усунь, Кангюй и Янцай на запад [8., с. 60]. Их появление в конце II в. до н.э. в Северном Прикаспии совпадает с массовой миграцией сармат, прослеживаемой археологически.

Асгард и топография Каспийского региона. В скандинавских мифах бог Один был вождём страны Асaland (асы и аланы). Археологические исследования указывают на родство асов, аорсов и алан, которые «на их собственном языке называются "ас"» [48., с. 11]. Главным городом был Асгард, расположенный на полуострове, отделённом от материка рекой. «По мнению скандинавов, от тела Тора постоянно исходил жар, поэтому Один запретил ему пересекать Радужный мост пешком или на колеснице после первой попытки, окончившейся обрушением опор и перил моста. Когда Тор возвращался из своих военных походов, он мог попасть в Асгард, только пересекая реку, разделяющую мир богов и людей, вброд» [111]. Описание столицы асов — Асгарда — в скандинавских мифах характерно для мелководья Северного Каспия, которое Тор мог пересекать пешком.

Стефан Византийский в VI в. н.э. локализует Сагартию далеко на севере, у Каспийского моря: «Он называет Сагартией полуостров в Каспийском море» [4., с. 6; 59., с. 139]. Исходя из авторской модели Каспийского моря как бассейна Среднего Каспия, полуостров Сагартия мог находиться («на севере») на Мангышлакском пороге, вблизи пролива, образованного совместным руслом Волги и Дона (реки Танаис). Древнеионийское представление об ойкумене, где Каспий располагался на краю Океана, на границе обитаемого мира, за которым следовал потусторонний мир, нашло отражение в скандинавских мифах о Вальгалле. Понимание потустороннего мира нашло отражение в мифе. «он мог попасть в Асгард, только пересекая реку, разделяющую мир богов и людей, вброд» [111].

Приход норманн с Танаиса Согласно иной версии, изложенной в «Саге об Инглингах», норманны во II в. под предводительством Роллона приходят с Танаиса (Великой Свитьод) [87., с. 238–264].

Страна аорсов Яньцай в конце II в. до н.э. являлась одной из ведущих военно-политических сил региона. Переименование Яньцай в Аланью происходит одновременно с подчинением страны Кангюю и приходом родственных аорсам алан. Среднесарматская культура, связанная с пришедшими из Азии аланами и характеризующаяся роскошными погребениями знати, была зафиксирована в начале I в. н.э. на территории северо-западного Прикаспия и Придонья; ранняя стадия позднесарматской культуры датируется серединой II в. н.э. [8., с. 58]. К III в. н.э. происходит ослабление Кангюя и выход Алании из его подчинения. Возможно, уход алан «во главе с Роллоном с Танаиса» спровоцировал эти события.

Исландский сказитель XIII в. Снорри Стурлусон описал версию исхода норманнов с Танаиса [87., с. 238–264]. Понимание того, какую реку принимали за Танаис, менялось на протяжении тысячелетий — от реки Фасис (Риони) в эпоху аргонавтов до современного устья Дона. Автор настоящего исследования пришёл к выводу, что одна из версий Танаиса представляет собой совместное русло Волги и Дона, проходившее через Мангышлакский порог [98; 99]. Картину Каспийского моря, разделённого на три бассейна, отразили Помпоний Мела (III, 5, 38–39) и Плиний (VI, VI, 38). Плиний (VI, XV, 38) отмечал: «Первый залив называется Скифским»; далее пролив «продолжается в виде узкого, но длинного залива в виде серпа» (бассейн Среднего Каспия – прим. авт.).

Пролив через Мангышлакский порог, связывавший Северный и Средний Каспий, и есть Танаис (русло палео-Волги и Дона), рядом с которым располагался остров Сагартия. Плиний (VI, VI, 17) отмечал, что савроматы имеют торговые связи через пролив с абзоями. При этом Хэсу («Яньцай другие называют Хэсу») сопоставляется с Abzo. Таким образом, через пролив на Мангышлакском пороге (Танаис) савроматы Северного Прикаспия поддерживали торговые отношения с абзоями (Янцай).

Устье современной Волги трудно охарактеризовать как «узкий пролив». Согласно разработанной автором карте-схеме, в античное время Волга и Дон впадали в бассейн Северного Каспия и, через Мангышлакский порог, «узким проливом» втекали в бассейн Среднего Каспия. С острова близ

Танаиса — пролива через Мангышлакский порог — произошёл исход алан во главе с Роллоном, который повел асов на север.

Бог-предок Один, оставив в городе своих братьев, пошел на север. Следуя предсказанию, он повёл большую часть асов на север, затем на запад «в Гардарики», после чего повернул на юг в Саксонию [111].

Боги скандинавской мифологии были смертны; они более напоминали людей с особыми способностями. Их общество характеризовалось тенденцией к сосредоточению в руках правителей не только воинских, но и жреческих функций. Пантеон богов норманнов отражал структуру общества алан с его развитой формой военной иерархии, организованной по дружинному принципу, что напоминало «рыцарей круглого стола» короля Артура.

Связь и родство асов, аорсов и алан-ариев, которые «на их собственном языке называются "ас"» [48., с. 11], была рассмотрена выше. В древнеиндийской традиции ариями именовали жрецов [91., с. 152]. С аланами связывают ингушский термин *ala* — «князь», а в новотушенском *al(e)* — «князь» означает также и потустороннее владычество. Возможно, особо выделившиеся вожди «потомственных воинов-профессионалов, обладавших высокой выучкой и тайнами психофизической подготовки» [105., с. 119–120] приобщались к пантеону богов, подобно асам Одину и его сыну Тору.

Термин «алан», вероятно, закрепился за правящей верхушкой или кланом у «азиатских скифов» именно в результате личного приобщения к божественным силам [91., с. 152].

Таким образом, согласно мифологической традиции скандинавских народов, исход части асов (норманнов) вместе с Одином в Скандинавию произошёл с Танаиса на Мангышлакском пороге, из страны Асаланд с главным городом Асгардом. Мифологическая традиция в поэтической форме передала путь предков — части асов-алан — из «Азии» (северо-запада Мидии) и позднее с Танаиса (Асаланд, или Алании, располагавшейся вблизи пролива, образованного совместным руслом Волги и Дона через Мангышлакский порог) в Скандинавию. Данное событие произошло до того, как из трёх обособленных водных бассейнов образовалось единое Каспийское море.

ГЛАВА VI. РОЛЬ МАНГЫШЛАКСКОГО ПОРОГА В УСЛОВИЯХ МАССОВЫХ МИГРАЦИЙ ИНДОПЕРСИДСКИХ ПЛЕМЁН

На границе древней и новой эпох степную полосу Евразии заселяли сарматские племена: языги, сираки, роксоланы, асы, аорсы и другие. А.В. Симоненко связывал прохоровское население Поволжья и Подонья с аорсами, Прикубанья — с сираками, Северного Причерноморья — с роксоланами [79].

Б.Н. Граковым в сарматской культуре были выделены четыре градации: савроматская (блюменфельдская) — VI–IV вв. до н.э.; савромато-сарматская (прохоровская) — III–II вв. до н.э.; сарматская (сусловская) — I в. до н.э. – I в. н.э.; и аланская (шиповская) — II–IV вв. н.э. Собственно сарматская культура подразделяется на раннесарматскую (III в. до н.э. – середина I в. н.э.), среднесарматскую и позднесарматскую (вторая половина I – IV вв. н.э.). Среднесарматская культура, характеризующаяся роскошными погребениями знати, была зафиксирована в начале I в. н.э. на территории северо-западного Прикаспия и Придонья; ранняя стадия позднесарматской культуры датируется серединой II в. н.э. [8., с. 58].

Проявление восточных инноваций в памятниках раннесарматской культуры привело исследователей к необходимости выделения её особого этапа. В рамках II–I вв. до н.э. в артефактах раннесарматской культуры появляются восточные инновации, которые исследователи связывают с появлением алан [91., с. 179–180]. Их присутствие в конце II в. до н.э. совпадает с массовой миграцией сарматов, прослеживаемой археологически [65., с. 76–95].

Переселение новых сарматских племён происходило волнами. К середине I в. н.э. они отмечены Б.А. Раевым, А.С. Скрипкиным, М.Б. Щукиным и А.В. Симоненко в Восточной Европе — в Поволжье, Подонье, Прикубанье и Северном Причерноморье. Приход новых сарматских племён — алан — связывается по своему происхождению со Средней Азией. Характерными особенностями данной культуры являлись: «диагональные погребения в квадратных ямах, помещение на горизонте или выкиде заупокойных даров, новые типы оружия и доспехов, украшений, распространение «бирюзово-золотого» звериного стиля» [79]. Среди археологических артефактов наблюдаются зеркала и оружие из Китая, серебряная, бронзовая и стеклянная посуда из Парфии и Ближнего Востока [73].

С.А. Яценко выделил две группы алан, связанных с двумя культурами, мигрировавшими из Центральной Азии. Первая группа алан представляет собой политическое ядро среднесарматской археологической культуры, сложившейся в Волго-Донском регионе на рубеже н.э. Другая группа входила в число носителей позднесарматской археологической культуры в низовьях Дона в её раннем варианте (середина II – середина III вв. н.э.). Б.А. Раев археологически выделил памятники алан в устье Дона, которые ранее считались аорскими [72., с. 89–94].

Сходство скифо-сарматской материальной культуры на торговом пути от Китая до Причерноморья было отмечено М.И. Ростовцевым. Археологические культуры аланских племён, пришедших в Северное Причерноморье, распространялись в Парфии и Греко-Бактрии, вплоть до территории Монголии и Китая [90]. Им свойственен единый катакомбный обряд погребения алан Центрального и Северо-Восточного Кавказа (в частности, туалетные наборы, зеркала, оружие, состав керамического набора, обычай искусственной деформации черепа). Этот обряд «свойственен как традициям скифов Крыма, так и культуре Ферганы и Памиро-Алтая I в. до н.э. – III в. н.э.» [20., с. 20; 19., с. 167].

Присутствие на рубеже эр в Предкавказье азиатских этнических элементов отмечается в богатейшем катакомбном погребении у хутора Комарово Моздокского района Северной Осетии. Археологические артефакты обнаруживают сходство с материалами тохаро-юэчжийских, кангюйских, сакараукских погребений Тилля-Тепе в Афганистане [91., с. 180]. Аланские особенности фиксируются в причерноморских курганах и в погребениях Северного Афганистана. «... конечным звеном этой цепи являются Большие Алтайские курганы. При этом иранские топонимы концентрируются вокруг Пазырыкских курганов» [73].

Сходство материальных культур на северо-западе и востоке Каспия привлекает внимание к роли сухопутного Мангышлакского порога как связующего звена. Регрессии (падения уровня моря) и трансгрессии (подъёмы уровня моря) способствовали созданию условий для периодического возникновения сухопутного Мангышлакского порога. Это нашло отражение, как в письменных источниках, так и в археологических артефактах на островах данного порога.

Ещё во II—I тысячелетии до н.э. по сухопутному Мангышлакскому порогу перемещались племена киммерийцев. Гай Юлий Солин описывал (5.17.1), что области киммерийцев и амазонок «простираются до самого Каспийского моря, которое омывает азиатские просторы, а потом позади Скифии сливается с Океаном». Киммерийцы, индоперсидские племена, кочевали по побережью Северного океана (разлившегося водного пространства Волги, Дона, Северного Каспия и северных рек) и доходили по Мангышлакскому порогу до Средней Азии.

С.П. Толстовым обоснована гипотеза, согласно которой «не только иранский, но и более древний этап индоевропейского этногенеза, связанный с образованием хеттоидных и фрако-киммерийских палеоиндоевропейских групп, имеет в Хорезме и Приаралье в целом один из важнейших территориальных узлов. Целый ряд сигналов языкового и культурно-исторического порядка делают эту гипотезу более чем вероятной» [89., с. 341].

Географические ориентиры перемещения киммерийцев переданы Гомером в одиннадцатой песне поэмы «Одиссея»: «Северный ветер приносит корабль его к берегам киммериян, где поток Океана ввергается в море» [35]. На античных географических схемах Каспий предстаёт как залив Океана. На схеме (рис. 7) Океан (Северный Каспий) по руслу палео-Волги и Дона через сухопутный Мангышлакский порог «ввергается в море» — в Каспийское море (Средний Каспий). На юг корабль несёт северный ветер. Описание Гомера соответствует карте-схеме греческого философа Посидония (139/135 – 51/50 гг. до н.э.), где длинный и широкий пролив соединяет Гирканское море с Океаном, расположенным на севере (рис. 6). Этот расширенный пролив представляет собой бассейн Среднего Каспия. Сухопутный Мангышлакский порог служил местом передвижения киммерийских племён из Северо-западного Прикаспия в Среднюю Азию и Казахстан.

На рубеже древней и новой эры, по данным П.В. Фёдорова, произошло падение уровня моря до абсолютной отметки минус 32–33 м [45]. В этот период по сухопутному шельфу Северного Каспия и Мангышлакскому порогу сарматские племена в III в. до н.э. могли проникнуть на полуостров Мангышлак и плато Устюрт, где оставили свои каменные изваяния [33., с. 95]. Этим же путём с территории Кавказа на Мангышлак проникли

последователи зороастризма, построившие здесь дахму («башню смерти») [78].

В пехлевийской религиозной литературе Кангдиж (Кангха) выступает как место древнейшей оседлости иранцев «после перехода ими «моря» Воорукаша» [8., с. 23]. Море Воорукаша — это бассейн Среднего и Северного Каспия [98]. Переход через «море Воорукаша» был возможен именно по сухопутному Мангышлакскому порогу.

Анализ регрессий и трансгрессий Каспийского моря позволил А.Е. Астафьеву и Е.С. Богданову выдвинуть версию маршрута гуннов (около 421 г.) под предводительством Васиха и Курсиха «по сухопутному "мосту", возникающему между северным и восточным берегом Каспийского моря при его низком уровне» [10., с. 34]. Связь между аланами Предкавказья, Закаспия и танаитами отмечена В.А. Кузнецовым: «они приходили друг к другу на помощь» [48., с. 19]. По сухопутному Мангышлакскому порогу танаиты и аланы могли прийти на помощь друг другу достаточно быстро.

Таким образом, Каспийский регион представляет собой ключевое звено в развитии и взаимопроникновении экономических, культурных и духовных аспектов Евразийского континента.

6.1. «Новый северный путь»

К III в. н.э. ситуация со странами-участницами на последнем этапе пути до Рима меняется. Это известно из «Вэйлюэ» («Обзора династии Вэй» (Вэйши, III. 6а)) — сочинения конца III в. н.э. На западе происходит расширение перечня стран-участниц за счёт крупнейших сарматских группировок в Европе. «Есть еще государство Лю, есть государство Янь и еще государство Яньцай, называемое Алань. Все они одних обычаев с Кангюем. На западе граничат с Дацинь (Римом), на юго-востоке с Кангюем. Там много соболя, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; прилегают к большому озеру / болоту. В прежние времена (до 230 г. — прим. авт.) весьма зависели от Кангюя, а ныне не зависят» [8., с. 39]. Это известие поступило в Китай в 230 г. с посольством кушанского императора Бо Тиао (Bo Tiao). В «Вэй люэ» интересующий нас маршрут носит название «Новый северный путь». Сообщается о трёх странах, в том числе об Алании, которые вышли из вассальной

зависимости от Кангюя. «Новый северный путь» включал в себя территорию государства Янь — Северного Прикаспия и Предуралья. Он шел огибая Каспийское море с севера.

6.2. Археологические аспекты Шёлкового пути на Мангышлакском пороге

Торговые трассы из Китая на запад носили не постоянный, а изменчивый характер, как в территориальном, так и во временном отношении. «Северная дорога» в I в. н.э. вела из китайской столицы Лоян в Кашгар, далее через Фергану, Кангюй, Янцай / Аланья в Янь [8., с. 50]. Этот путь известен как «меховой». Северная Янь платила дань Кангюю высоко ценившимися на мировых рынках соболиными шкурками.

Другой важный маршрут Северной дороги, согласно мнению автора, проходил из Хорезма через Устюрт на сухопутный Мангышлакский порог в Янцай. На этой торговой трассе, в храме Байте III на краю плато Устюрт, было обнаружено самое большое количество тамг в степях Евразии периода античности — 358 тамг, принадлежавших 273 разным кланам. Этот маршрут активно функционировал еще с IV–II вв. до н.э.

Примечательно, что в период, когда регион Южного Приуралья в I–II вв. н.э. пустеет вследствие аридизации и население покидает его, храм Байте III продолжал принимать торговые караваны. Из найденных тамг «98 типов идентичны или очень близки тамгам 51 европейских сарматов в интервале начала I – середины III в.» [8., с. 50].

Караваны не направлялись на север, к государству Янь, но приходили на плато Устюрт, чтобы достичь поселения Каракабак на побережье Каспийского моря. Археологи зафиксировали этот путь серией сарматских тамг в каньоне Каракабак на северных склонах Мангыстау [8., с. 51]. В настоящее время остатки поселения Каракабак расположены на побережье Каспия. Логика создания центра ремесла и торговли в данном месте может быть объяснена только с точки зрения геоморфологии Каспийского моря. В античности и раннем средневековье Каракабак представлял собой ремесленный и торговый центр, обеспечивавший дальнейшее передвижение караванов по сухопутному Мангышлакскому порогу до Северного Причерноморья.

Вывод. Караваны, нагруженные в Китае, через Давань (Фергана) – Кангюй (Хорезм, Устюрт) – Янцай (по сухопутному Мангышлакскому порогу) непосредственно достигали побережья Чёрного моря — территории, контролируемой Римом (Дацинь).

6.3. Торгово-ремесленные центры на побережье Мангышлака

Археологические артефакты, обнаруженные в поселении Каракабак на северных склонах Мангышлака (Мангыстау), включают тамги сарматоидного типа, лаковую и лепную посуду, многочисленные следы металлургического производства, сотни обрезков медных пластинок, изделия из металла, монеты, украшения из стекла, что свидетельствует о высоком уровне развития данного города [10., с. 33]. Каракабак представлял собой форпост, связывавший Причерноморье, Иран, Среднюю Азию и Китай. Развитию ремесленного центра способствовало наличие на Мангышлаке крупных запасов медистых песчаников в Восточном и Западном Каратау со следами разработки в I тыс. до н.э.

Фибулы из Каракабака, по определению И.О. Гавритухина, относятся ко второй половине II – первой половине VII вв. Медные колокольчики соотносятся с артефактами из некрополей римского и гуннского времени Крыма, Северного Причерноморья, Кавказа, а также с памятниками Средней Азии (Фергана) с I по VI вв. н.э. [38]. Артефакты Каракабака прослеживаются до VI вв. н.э.

Торгово-денежные отношения подтверждаются археологическими находками в небольшом поселении на горе Айракты, в 70 км от Каракабака. Здесь найдены три медные хорезмийские монеты II–III вв., а у горы Шеркала, на месте средневекового торжища, — ещё семь аналогичных монет II–IV вв. [10., с. 31]. Археологические артефакты ремесленно-торговых центров датируются периодом не позднее первой половины VII в.

Возникновение торгово-ремесленных поселений было продиктовано, прежде всего, удобным транзитным расположением на трассе Шёлкового пути. Такие поселения становились необходимы для обеспечения караванов питанием, отдыхом и ремонтными работами. Каракабак являлся крупным ремесленным центром с оседлым населением. Он обеспечивал

торговые караваны необходимыми услугами и «выполнял заказы для кочевого населения от Волги и далее на запад» [10., с. 33].

К периоду существования поселения Каракабак относится уникальный религиозно-погребальный комплекс I–VI вв. Алтынказган. В 2014–2016 гг. на полуострове Мангышлак (Республика Казахстан) археологами А. Астафьевым и Е. Богдановым было исследовано девять каменных сооружений данного памятника. Археологические артефакты Алтынказгана имеют многочисленные аналогии в материалах V–VI вв. на территории Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Поволжья. Всаднические ритуалы связаны с кочевым ираноязычным населением, пришедшим на новые территории, в том числе во время гуннских походов в Иран в V в. по сухопутному «мосту» между северным и восточным побережьями [11., с. 68–78].

Возникновение автономного оседлого поселения в кочевом регионе было продиктовано необходимостью обеспечения поддержки торговых караванов на сухопутном Мангышлакском пороге.

С конца V–VI вв. жизнь в городище замирает по ряду причин. По мнению автора, этому способствовала тектоническая катастрофа, приведшая к палеоклиматическим изменениям. Реконструкция Н.С. Болиховской показала, что на период IV–V вв. приходится фаза тёплого и влажного климата с последующим похолоданием и аридизацией на ранней фазе дербентской регрессивной стадии Каспия в VI в. [10., с. 35].

Постоянные войны между Ираном и Римом также дестабилизировали политическую ситуацию на западном побережье Каспийского моря. Нашествие гуннов в конце IV в. привело к тому, что оседлого населения в причерноморских степях практически не сохранилось [38]. Государство Кангюй к этому периоду приходит в упадок.

Однако главной причиной угасания жизни на Каракабакском поселении явилось изменение уровня моря в результате землетрясения. Следы военных конфликтов или пожаров не обнаружены. В период IV–V вв. уровень моря достигает отметки 23–24 м, при которой определяется береговая Караганская (Мангышлакская) линия [10., с. 34]. Город Каракабак становится портовым после мощного землетрясения в V в. [111]. Археологи отметили, что монетная активность на поселении также приходится на самый конец IV и V вв. [10., с. 31]. Опускание

Мангышлакского порога под воду в результате землетрясения становится одной из причин угасания жизни на Карабабском поселении. С одной стороны, Страбоном (XI, 7, 2) отмечена «несудоходность» Каспия, с другой стороны, усложнение логистики маршрута в виде морского пути привело к усилению роли Шёлкового пути к северу от Каспийского моря.

Выводы к Главе VI:

1. **Формирование «Северной дороги».** Торговое направление, зафиксированное в «Хань шу» как «Северный маршрут», последовательно проходило через Давань, Кангюй и Янцай, который являлся последним пунктом на этом пути. «Северная дорога» вела из китайской столицы Лоян через Кашгар, Фергану, Кангюй и Янцай, а зона контроля Кангюя, согласно китайским источникам, распространялась на северо-запад по Мангышлакскому порогу до Северного Причерноморья.
2. **Климатические и географические ограничения.** Функционирование «Северной дороги» через Южное Приуралье в I – начале II вв. н.э. было невозможно вследствие пика аридизации, что привело к уходу населения из региона. В этот период отсутствовали условия для использования северной трассы в обход Каспия.
3. **Ключевая роль Мангышлакского порога.** Исторические свидетельства и геолого-геоморфологические исследования подтверждают, что с эпохи бронзы до середины I тыс. н.э. Мангышлакский порог оставался сухопутным и служил естественным мостом между Северным и Средним Каспием. Античные авторы (Плиний, Помпоний Мела) описывали Каспий как систему трёх бассейнов, связанных узкими проливами, что соответствует палеогеографической модели автора.
4. **Археологическое подтверждение.** Материалы храма Байте III (358 тамг, принадлежавших 273 кланам) и поселения Карабаб (металлургическое производство, монеты, фибулы, украшения) свидетельствуют об активном функционировании торгового пути через Устюрт и Мангышлакский порог в античный и раннесредневековый периоды. Тамги Карабаба и Байте III обнаруживают прямые аналогии с тамгами европейских сарматов I – середины III в. н.э.
5. **«Новый северный путь» (III в. н.э.).** Согласно «Вэйлюэ», к III в. н.э. произошло расширение торговой сети за счёт государств Лю, Янь и Алании, вышедших из вассальной зависимости от Кангюя. «Новый северный путь» включил территорию Северного Прикаспия и Предуралья.

6. **Упадок и причины прекращения функционирования маршрута.** К концу V–VI вв. жизнь на Каракабакском поселении замирает. Основными причинами явились: тектоническая катастрофа и последовавшее изменение уровня Каспия (опускание Мангышлакского порога под воду), палеоклиматические изменения (похолодание и аридизация), войны между Ираном и Римом, нашествие гуннов, а также упадок Кангюя. Отсутствие следов пожаров и военных конфликтов указывает на то, что решающим фактором стали природные трансформации, прежде всего затопление сухопутного порога.
7. **Транскаспийский маршрут.** Караваны, следовавшие из Китая через Давань (Фергана) – Кангюй (Хорезм, Устюрт) – Янцай (по сухопутному Мангышлакскому порогу), непосредственно достигали побережья Чёрного моря — территории, контролируемой Римом (Дацинь). Предложенная автором реконструкция «Северной дороги» через Мангышлакский порог снимает противоречия между древними письменными источниками, палеогеографическими данными и археологическими материалами, подтверждая существование прямого транскаспийского сухопутного пути в системе Великого шёлкового пути в античную эпоху.

ГЛАВА VII. ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

7.1. Природные катастрофы середины I тыс. н.э. и их отражение в письменных источниках

Что могло послужить причиной объединения Гирканского моря, Каспийского моря и Океана в единый водный бассейн — современное Каспийское море? Безусловно, природный катаклизм.

Рассмотрим климатический пессимум раннего средневековья, кульминацией которого стало похолодание 535–536 гг. Это наиболее резкое понижение среднегодовой температуры в Северном полушарии за последние 2000 лет. Учёные обозначили этот период термином «позднеантичный малый ледниковый период», впервые введённым в научный оборот в 2015 г. Исследование кернов, взятых из ледника Колле Нифетти в Швейцарских Альпах, показало, что причиной похолодания явилось резкое снижение температуры в результате вулканических извержений. Ульф Бюнтген и его группа проанализировали толщину

годовых колец выборки деревьев на высокогорном Алтае. Учитывая, что рост годовых колец замедляется в холодные годы, учёные реконструировали температуру в ареале произрастания деревьев. Данные, полученные по алтайским деревьям, были сопоставлены с данными альпийских деревьев, а обнаруженные в ледяных ядрах следы вулканического пепла позволили точно установить даты и мощность извержений.

Катастрофическая ситуация на планете нашла отражение в сочинении Прокопия Кесарийского. О десятом годе правления Юстиниана I (536/537 г.) он сообщал: «в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть. Тогда шёл десятый год правления Юстиниана» (Прокопий, «История войн», кн. IV «Война с вандалами (II)», гл. 14. 5–6) [112]. Разрушительные землетрясения, резкое понижение температуры, повлёкшее неурожаи и болезни, а также вспышка чумы дополнили войны Юстиниана. Картина этих бедствий продолжалась с 536 г. до 660 г. Подобные свидетельства можно найти в китайских, ирландских и ближневосточных исторических записях.

7.2. Влияние уровня режима Каспийского моря на палеогеографические изменения региона

Землетрясения на планете предполагают возможность их возникновения и в Каспийском регионе. По данным проф. В.Н. Михайлова, наиболее низкий уровень Каспийского моря наблюдался во II–VII вв. н.э. (отметка – 32 м), когда Апшеронский и Мангышлакский пороги могли представлять собой сушу [61]. Профессор С.А. Ковалевский полагал, что до VII в. острова близ Баку соединялись с материком, а Бакинская бухта была сухой. «По мнению этого учёного, наиболее низкий уровень стояния Каспия, когда банки Бакинского архипелага сплошь сливались с континентом и вся Бакинская бухта была сухой, падает на период от II до VII вв. Затем с VII в. начинается сильное повышение уровня Каспия вплоть до IX в., когда и образовалась Бакинская бухта» [12., с. 16].

Следовательно, период изменения уровня Каспия и затопления Апшеронского порога совпадает с катастрофическими событиями на

планете. Одновременно меняются очертания северной части Каспийского моря, и уходит под воду Мангышлакский порог. Выше было отмечено, что город Каракабак на полуострове Мангышлак становится портовым после мощного землетрясения около V в.

7.3. Данные А.К. Бакиханова о палеогеографических трансформациях и проблема локализации субаквальных археологических объектов

Аббас-Кули-Ага Бакиханов — учёный-просветитель, основоположник азербайджанской археологии, поэт и писатель — стоял у истоков азербайджанской научной историографии. Ещё в 40-х годах XIX в. А.К. Бакиханов предпринимал попытки поиска затонувших в Каспии памятников древней истории. В 1840 г. по его инициативе были проведены поиски затонувшего города «Шегрь-Юнанны». В своей работе «Гюлистан-и Ирам» А.К. Бакиханов описывал наблюдения в Бакинском уезде: в деревнях Бильгя, Зиря, Биби-Эйбат и на ряде островов на скалах видны остатки следов колёс, уходящих в море. «В самом городе Баку, где стоит дом Гаджи-Бабы, сына Гаджи Ага-Гусейна, при рытье колодца нашли под землёй ниже нынешней поверхности моря дорогу, вымощенную плитами» [13., с. 17]. Вопрос о быстром характере поднятия уровня моря отмечен академиком Э. Ленцем, посетившим Баку в 1830 г. Он слышал от местных жителей Апшерона: «... много времени тому назад море было на 20 верст дальше, чем теперь; острова Беюк и Даш Зиря, так же как Пираллахи и Чиллов, были частью твёрдого материка; однажды же неожиданно море зашло намного вперёд и дало побережью тот вид, который оно имеет и сейчас» [53].

Многочисленные артефакты и письменные свидетельства активизировали археологические исследования.

За период с 1968 по 1987 гг. группа подводно-археологических исследований под руководством В.А. Квачидзе провела ряд морских и прибрежных экспедиций на азербайджанском побережье и в акватории подводных банок. Исследователи обнаружили большое количество фрагментов керамической посуды, гончарных печей, серебряных украшений, а также якорей, якорных камней, монет и др. [85]. Археологические поиски велись как на дне моря, так и на берегу. Под трёхметровой толщей отложений были обнаружены «... улицы ремесленников: глиняные мазанки, готовая посуда, гончарные печи, лавки

торговцев» [44., с. 46]. На севере Апшеронского полуострова, на дне бухты у мыса Амбуракский, был найден затонувший морской порт, и с глубины 10 м поднята средневековая керамика.

Резкое изменение уровня моря начиная с VI в. н.э. может быть объяснено только тектоническими процессами — деформацией дна моря. Вероятно, сильные землетрясения и извержения вулканов привели к прорыву Апшеронского порога и соединению Гирканского и Каспийского морей. Результатом значительных изменений береговых линий служат находки поселения раннехазарского времени на расстоянии 15 км от берега, на Иголкинской банке. На мелководье, при углублении фарватера, была найдена лепная, скатанная волнами керамика, сходная с хазарской, а также кости животных. «Абсолютная отметка слоя, откуда брался выкид — минус 29,6 м. Поскольку поселение располагалось на ровной местности, то, при наличии ветровых нагонов высотой до 2 м, надо считать уровень Каспийского моря во время жизни этого поселения равным минус 32 м, что соответствует VI веку» [43].

На острове Чистая Банка (северо-запад Каспия) в 1991 г. на глубине 7,5 м выявлены возможные «остатки последней столицы Хазарии — города Итиль» [45]. Астраханскому краеведу К.Н. Василькову в 1980 г. на основании изучения восточных источников (Ибн-Русте, Истахри, Ибн-Хаукаля, Масуди, Мукаддаси, «Худуд ал-Алам»; XII в. — Идриси; XIII в. — Шакута, Закарийа Казвини, Насир ад-Дин Туси; XVI в. — Ибн-Ийаса), а также данных геоморфологии удалось установить, что столица Хазарского государства — город Итиль — располагалась на месте острова Чистая Банка [45].

Затопленный Мангышлакский порог хранит артефакты активной многовековой деятельности человека. Резкое изменение уровня моря и быстрое погружение под воду Апшеронского и Мангышлакского порогов приблизительно в VI в. н.э. может быть объяснено только тектоническими процессами — деформацией дна моря.

Динамику геоморфологии Земли чётко обрисовал Аристотель в «Метеорологии» (кн. I, гл. 14, § 31): «Так как время никогда не прекращается и мир вечен, то очевидно, что ни Танаис, ни Нил не текли вечно, но что некогда те места, откуда они текут, были сухи: ибо их деятельность имеет предел, а время не имеет его» [52., с. 175].

Обобщая изложенное в седьмой главе, можно сделать следующие выводы.

1. **Природный катаклизм как причина объединения бассейнов.** Середина I тыс. н.э. характеризовалась глобальными климатическими изменениями («позднеантичный малый ледниковый период», кульминация — похолодание 535–536 гг.), вызванными мощными вулканическими извержениями. Эти события сопровождались разрушительными землетрясениями, эпидемиями и войнами, что зафиксировано в письменных источниках (Прокопий Кесарийский, китайские, ирландские и ближневосточные хроники).
2. **Изменение уровня Каспия и затопление порогов.** В период со II по VII в. н.э. уровень Каспийского моря находился на низких отметках (около – 32 м), что позволяло Апшеронскому и Мангышлакскому порогам оставаться сушей. Однако к VI в. н.э. произошёл резкий подъём уровня моря, в результате которого пороги были затоплены. Это привело к объединению ранее изолированных бассейнов (Гирканского моря, Каспийского моря и Северного океана) в единую акваторию современного Каспия.
3. **Тектоническая природа изменений.** Стремительное погружение порогов под воду не может быть объяснено только климатическими колебаниями или эвстатическими трансгрессиями. Наиболее вероятной причиной являются тектонические процессы — деформация дна моря в результате сильных землетрясений и, возможно, вулканической активности в Каспийском регионе.
4. **Археологические подтверждения.** Подводные археологические исследования (В.А. Квачидзе, К.Н. Васильков и др.) выявили на дне Каспия затонувшие поселения, портовые сооружения, дороги, керамику, монеты. Находки на Иголкинской банке, у мыса Амбуракский, на острове Чистая Банка и других участках акватории подтверждают, что в I тыс. н.э. значительные территории современного дна Каспия были сушей с развитой инфраструктурой.
5. **Свидетельства местных жителей и исследователей XIX в.** Наблюдения А.К. Бакиханова, Э. Ленца и других учёных зафиксировали народные предания и геологические признаки быстрого наступления моря на сушу, включая затопленные дороги и колодцы, а также острова, некогда соединённые с материком.

6. **Хронологическое соответствие.** Период затопления порогов (VI в. н.э.) совпадает с катастрофическими событиями, описанными Прокопием, и началом дербентской регрессивной стадии Каспия, после которой последовала трансгрессия. Это позволяет связать геоморфологическую динамику региона с глобальными природными катаклизмами середины I тыс. н.э.

Вывод. Предложенная автором палеогеографическая модель трёх обособленных каспийских бассейнов, разделённых сухопутными порогами, нашла подтверждение в данных исторических источников, археологии и геоморфологии. Тектоническая катастрофа середины I тыс. н.э. (вероятно, землетрясения и вулканическая активность) привела к резкому изменению уровня Каспия и затоплению Апшеронского и Мангышлакского порогов. Это событие положило конец возможности использования сухопутного транскаспийского маршрута через Мангышлакский порог и способствовало переориентации северных трасс Великого шёлкового пути в обход Каспия с севера и юга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое в настоящей работе междисциплинарное исследование, основанное на синтезе античных и древнекитайских письменных источников, археологических материалов, палеогеографических реконструкций и данных геоморфологии Кавказско-Каспийского региона, позволило предложить новую теоретическую модель функционирования трансконтинентальных коммуникаций Великого шёлкового пути в античную эпоху. Мультидисциплинарный подход, объединяющий историко-археологические данные с геодинамическими, палеогеографическими и палеоклиматическими факторами, продемонстрировал свою научную продуктивность при реконструкции древних экосистем и торговых трасс.

1. Палеогеографическая модель трёх бассейнов. Анализ античных источников (Страбон, Плиний, Помпоний Мела, Арриан, Аммиан

Марцеллин) в сопоставлении с современными геофизическими и батиметрическими исследованиями позволил обосновать, что вплоть до VI–VII вв. н.э. акватория Каспийского моря представляла собой три обособленных водных бассейна: Гирканское море (Южный Каспий), Каспийское море в узком смысле (Средний Каспий) и «Северный океан» (Северный Каспий). Эти бассейны разграничивались сухопутными Апшеронским и Мангышлакским порогами, которые при низком уровне моря (до –32...–38 м абс.) становились доступными для сухопутной транзитной миграции. Предложенная модель снимает многовековые противоречия в описаниях Каспия античными и китайскими авторами, которые ранее нередко интерпретировались как ошибочные или мифологические.

2. Реконструкция «Северной дороги» через Мангышлакский порог.

На основе китайских хроник («Ши цзи», «Хань шу», «Хоу Хань шу», «Вэйлюэ») и античных географических описаний была реконструирована магистральная торговая трасса, проходившая из Китая (Кашгар) через Давань (Фергана) → Кангюй (Хорезм) → Янцай/Алания (по сухопутному Мангышлакскому порогу) → на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Ключевым звеном этого маршрута выступало государство Янцай/Алания, ядром которого являлся Мангышлакский порог. Археологические материалы поселений Каракабак, Байте III, Алтынказган (тамги, металлургические шлаки, монеты, фибулы, керамика, стеклянные украшения) подтверждают высокую интенсивность транзитной торговли и ремесленного производства на данной трассе, особенно в I–III вв. н.э. Таким образом, караваны могли напрямую достигать владений Рима (Дацинь) в Северном Причерноморье, минуя длительный объезд Каспия с севера или юга.

3. Этнополитический контекст: роль аорсов и алан.

Исследование показало, что сухопутные пороги Каспия служили не только торговыми артериями, но и коридорами для массовых миграций иранских и сарматских племён. В античных источниках аорсы локализуются на северо-западном побережье Каспия, а аланы (этимологически восходящие к древнеиранскому *ариана*) приходят в Прикаспийский регион из Центральной Азии во второй половине I в. до н.э. – начале I в. н.э. Сармато-аланские племена контролировали ключевые участки транскаспийского маршрута, обеспечивая безопасность караванов и сбор

пошлин. Позднее (к III в. н.э.) Алания вышла из вассальной зависимости от Кангюя. Улучшение климатической обстановки в Северном Прикаспии привело к усилению роли государств этого региона, что было зафиксировано китайскими источниками как «Новый северный путь».

4. Геоморфологическая катастрофа VI–VII вв. и её последствия

Важнейшим выводом работы является обоснование того, что в середине I тыс. н.э. произошло резкое изменение уровня Каспийского моря в результате тектонической активности (землетрясения, деформация дна) в сочетании с глобальным климатическим пессимумом (похолодание 535–536 гг., так называемый позднеантичный малый ледниковый период). Уровень моря поднялся, что привело к субаквальному затоплению Апшеронского и Мангышлакского порогов и объединению трёх ранее изолированных бассейнов в единую акваторию современного Каспия. Археологические свидетельства затонувших поселений (Иголкинская банка, остатки порта у мыса Амбуракский, возможный город Итиль на острове Чистая Банка), а также предания местных жителей, записанные А.К. Бакихановым и Э. Ленцем, подтверждают внезапный и катастрофический характер этого затопления.

5. Переориентация трасс Великого шёлкового пути. Исчезновение сухопутных «мостов» через Каспий привело к коренной перестройке системы трансконтинентальных коммуникаций. Отныне караваны были вынуждены обходить Каспийское море либо с севера (через Поволжье и Северный Прикаспий), либо с юга (через территорию современных Ирана и Закавказья). Это способствовало возвышению одних политических центров (Хазарского каганата, Волжской Булгарии) и упадку других (Кангюй, прикаспийские центры Алании). Таким образом, природная катастрофа выступила мощным геополитическим фактором, переформатировавшим экономическую карту Евразии в раннем средневековье.

6. Научная значимость и перспективы. Предложенная в работе новая парадигма северного маршрута Великого шёлкового пути в античную эпоху позволяет:

- пересмотреть существующие представления о конфигурации северных трасс, которые традиционно проводились только в обход Каспия;

- объяснить кажущиеся противоречия в античных и древнекитайских источниках через реальную палеогеографическую модель трёх бассейнов;
- выявить прямую корреляцию между геоморфологической катастрофой середины I тыс. н.э. и переориентацией трансконтинентальной торговли.

Работа реконструирует забытую главу истории Великого шёлкового пути, доказывая существование сухопутной транскаспийской трассы через Мангышлакский порог в античную эпоху и её последующий упадок в результате тектонической катастрофы VI–VII вв. н.э. Вносится существенный вклад в дискуссию о динамике геополитической и экономической карты Евразии, указывая на прямую связь между природными катаклизмами и историческими процессами. Предложенная парадигма открывает новые перспективы для понимания экономической, политической и культурной истории всего Кавказско-Каспийского региона в античности и раннем средневековье

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. // Проблемы скифской археологии. / МИА №177. М.: 1971. С. 10-13
- 2.Агеева Е.И., Пацевич Г.О. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИАЭ. Алма-Ата, 1958. Т. V. С. 3-215.
- 3.Алиев К.Г. «Античные источники по истории Азербайджана», Баку: Издательство ЭЛМ, 1987
- 4.Алиев И.Г. Очерк истории Атропатены.— Баку: Азернешр, 1989.—160 с. - Баку: Издательство ЭЛМ, 1987, - 132 с.
5. Алиев И. Г.Сармато-аланы на пути в Иран // NARTAMONGÆ. 2009. Vol. VI. № 1-2.
6. Алиев И.Г., Асланов Г. М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагетов аланского круга в первые века нашего летоисчисления // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. III.
- 7.Артамонов М.И. История хазар. Под редакцией и с примечаниями Л.Н. Гумилёва//Л.:Изд-во.Гос.Эрмитаж,1962.523с.
<http://kronk.spb.ru/library/artamonov-mi-1962-02.htm>
- 8.Археология и история кангюйского государства монография. Шымкент: Типография «Элем», - 2020. – 216 с. – илл. ISBN 978-9965-19-600-3
Ответственный редактор С.А. Яценко.
- 9.Ахвелидиани Г. С. К вопросу о самоназвании осетин // Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1960. Кн. I. С. 211-219.
- 10.Астафьев А. Е., Богданов Е. С. «Древний город на восточном берегу Каспийского моря», Stratum plus Археология и культурная антропология №4. 2019 E-ISSN: 1857-3533 Ответственный редактор — Олег В. Шаров Меч Марса Санкт-Петербург Кишинев Одесса Бухарест 2019 с.17-39.
- 11.Астафьев А.Е., Богданов Е.С. «Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря», Новосибирск: Институт Археологии и Этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук Издание Археология, Этнография и Антропология Евразии Том 46 № 2 2018 стр.68-78 DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.068-078 archaeology.nsc.ru/izdatelstvo/jr-aeae-ru/18-46-2/annot-08/
- 12.Ашурбейли С.А. «История города Баку», Баку: Азернешр,1992.
- 13.Бакиханов А. К. «Гюлистан-и Ирам», под ред. академика АН АзССР З. М. Бунятова. Баку: Издательство «ЭЛМ», 1991.

- 13а. Балабанова М.А. Социальная реконструкция организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. 2003. Вып. 6.
14. Бартольд В. В. Арабские известия о руссах // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
15. Бартольд В.В. «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времён до XVII века», стр. 8 - untitled (cawater-info.net) – 1998. Дата обращения 13.01.2024. Доступ по ссылке: /library/rus/aral/bartold.pdf
16. Безуглов С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып. 14.
17. Берг А.С. Уровень Каспийского моря за историческое время. Проблемы физической географии. М., Наука, 1987,
18. Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом Шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 1992. С. 29-37.
19. Берлизов Н. Е., Лопатин А. П., Цокур И. В. Анализ погребальных памятников СЗ Кавказа сарматского времени // Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени-эпохи средневековья. Краснодар. 2003. Ч. I.
20. Берлизов Н. Е. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
21. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Том II. 1950.- 334 с.
22. Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и Культура.- Изд-во «Алтея» С.Пб.; 2001.
23. Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). 2009 Челябинск. ООО ЦИКР "Рифей" ISBN: 978-5-88521-167-3
24. Бундахишн и другие тексты. Сотворение основы. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. — М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1997.
25. Бундахишн Глава XII О свойствах гор
zoroastrian.ru <https://www.zoroastrian.ru/book/export/html/789>
26. Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности - М.: Восточная литература, 1999. - 359 с.,
27. Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959. 184 с.
28. Велиев С.С., Тагиева Е.Н Палеогеография Каспийского моря в эпоху продуктивной толщи. 2009 Институт географии Национальной АН

Азербайджана. Палеогеография Каспийского моря в эпоху продуктивной толщи (cyberleninka.ru)

29.Волкова Т.А., Антипцева Ю.О., Мищенко А.А. История развития бассейна Каспийского моря в плейстоцене и голоцене и современные колебания уровня (в пределах России) // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 9. – С. 82-91; URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37690> (дата обращения: 30.03.2024).

30.Габараев А. История алан [Internet]. - iratta.com – 2007. [дата обращения 10.01.2024]. Доступ по ссылке: <http://iratta.com/alans/> 01.Племя аорсов и область Янцай

31.Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

32.Гаглыев Ю. С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ. 1962. Вып. XI.

33.Галкин Л. «В молчанье каменном разгадка может быть», Знание-сила. 1988. № 4.

34.Гарвин Э. «Кир Великий в "Персике" Ктесия» <http://simposium.ru/ru/node/13425>

34а.Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев, т.1.Б;Элм,1991.

35.Гомер. Одиссея (в переводе В. А. Жуковского) в 4-х тт. т.3. <https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/01odyssey/315.315.htm>

36.Горная фантазия равнинных обитателей. <https://bovdo.livejournal.com/18921.htm/>

37.Гуриев Т. А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина ir // Известия СОНИИ. 1962. Т. XXIII. Вып. I. с. 122-125.

38.Гущина И. И., Журавлев Д. В. 2016а. Некрополь римского времени Бельбек в юго-западном Крыму 1.Труды ГИМ 205. Москва: ГИМ.

39.Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. «Северная Евразия в картографии античности и средних веков.», Москва: Аквилон, 2017.

40.Дьяконов И. М. История Мидии. книга I Баку 2012. “Нагыл Еви”. 332 с.

41.Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Каспийского междуречья в голоцене. М.: 1995.

42.История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. - Баку: Элм, 1995 - 432с. ISBN 5—8066—1867—6.

43.История Каспийского моря. silkadv.com/ru/node/887

44.Кондратов А. М. «Атлантиды моря Тетис», Ленинград: Издательство Гидрометеиздат, 1986.

45.Котеньков С.А., Галактионова М.Л. Что скрывают воды Каспия? Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН. «Каспийский Вестник». 30 ноября, 2019.<https://casp-geo.ru/chto-skryvayut-vody-kaspiya-perspektivy-podvodnyh-arheologicheskikh-issledovaniy/>

- 46.Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов С.-П.2007-226с.
- 47.Кубарев В.Д., Шульга П.И.. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула): монография - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. - 282 с. ISBN 978-5-7904-0684-3. К88
- 48.Кузнецов В.А. "Очерки истории алан". 2-е издание, доп. Владикавказ: Издательство: «ИР», 1992,.- 158с.
- 49.Кузьмин А.Г. Из предыстории народов Европы Журнал «Золотой Лев» - издание русской консервативной мысли гл. II. §1 (www.olmer1.newmail.ru)
- 49а.Кузьмина Е.Е.Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и Происхождение индоиранцев. М.1994.
- 50.Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.1985
- 51.Кюнер И.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М,1961. [Internet] - vostlit.info – 1961. [Дата обращения 13.01.2024]. [https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/...](https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Kuner/)
- 52.Латышев В. В. «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (Baku-Innsbruck: «SWB» Publ., 2017) 1487. DOI: 0.25996/7507.2024.94.38.001
- 53.Lenz, E. Ueber die veränderungen der Hohewelche die oberfläche des KaspischenMeeresbiszum April des Jahres1830 erlitten hat. Memoires de l'AcademieImperiale des Sciences de St. Petersb. St. Petersb., 6, II. 78-82 (1833).
- 54.Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2. С. 29-37.
55. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.
- 56.Лысенко Н.Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э. – II в. н.э.: Автореф. дисс. док. истор. наук – Владикавказ, 2007, - 72с., protobulgarians.com<https://protobulgarians.com/Russiantranslations/Liysenko>. Дата обращения: 11.01.2024.
- 57.Лысенко Н.Н. Асы-Аланы в Центральной Азии (центральноазиатский аспект раннего этногенеза алан). Владикавказ - 2001 <https://sci.house/alanov-istoriya-scibook/asyi-alanyi-tsentralnoy-azii.html>
- 58.Mammadov P.Z., Ganiyeva R.Y., Mammadova P. «Laterally developed sedimentation objects in the south and middle caspian basin». Science Without Borders. Transactions of the International Academy of Science H&E/ -Vol. 4. – (Innsbruck: SWB, 2017-2019) p. 523-533

- 59.Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период Ахеменидского владычества (VI - IV вв. до н.э.)/ под ред. И.Алиева. – Баку: Изд-во Нурлан, 2003, - 198с.
- 60.Милановский Е.Е. «Новейшая тектоника Кавказа», Москва: Недра,1968.
- 61.Михайлов В.Н. Загадки Каспийского моря.
- 62.Мошкова М. Г. Роль кочевников раннего железного века Подонья-Южного Приуралья в формировании торговых путей // Международное сотрудничество археологов на «великих» торговых путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.
- 63.Муравьев С. Н. «Проблема Аракса—Танаиса—Яксарта и уровень Каспия в VI—VII вв. до н. э. (К вопросу о палеогидрографии Каспийско-Аральского бассейна)» «Mathesis. Из истории античной науки и философии» Ответственный редактор И. Д. Рожанский (Москва: Наука, 1991), с.115-175.
- 64.Нартские амазонки и сарматский «матриархат» ч. 1. www.iriston.com/nogbon/print.php?newsid=104
- 64а.Немировский А.И., Скогореv А. П. Мифы и легенды народов мира. Библейские сказания и легенды. <https://coollib.com/b/299241/read>
- 65.Полин С.В., Симоненко А.В. 1990. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья / / Материалы и исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- 66.Наталья Полосьмак, Дмитрий Поздняков, Татьяна Чикишева «Наука из первых рук» №5–6(90), 2020 Пазырыкцы: культура в лицах [//elementy.ru/nauchnoporulyarnaya_biblioteka/435879/Pazyryktsy_kultura_v_1_itsakh](http://elementy.ru/nauchnoporulyarnaya_biblioteka/435879/Pazyryktsy_kultura_v_1_itsakh)
- 67.Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н. э.-XI в. н. э. Ставрополь, 1999.
- 68.Пьянков И.В. Аристей: Путешествие к исседонам / И. В.Пьянков // Исседон -ΙΣΣΕΔΩΝ: Альманах по древней истории и культуре. - Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005. - Т. 3. - с. 15-35.
69. Пьянков И.В. Средняя Азия и евразийская степь в древности. С.-П.,2013.736с.
- 70.Пьянков И.В. «Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ», Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1997. 343с.
- 71.Пьянков И. В. Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана»: полемика археолога с филологами? (По поводу книги Б. И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.-VIII в. н. э.». М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999) // ВДИ. 2004. № 4.
- 72.Раев Б.А. Металлические сосуды кургана «Хохлач». Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. Л. С. 89-94.

73. Раев Б.А. «Аланы в евразийских степях: восток — запад». Новочеркасск 1989. Конференция памяти академика М. И. Ростовцева. Скифия и Боспор (annales.info).
74. Раев Б. А. Северо-кавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времён до настоящего времени (тезисы конференции 30-31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000.
75. Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
76. Клод Рапэн, «Торговый путь из Индии к Понту у Страбона: между картографическим миражом и археологической реальностью», Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути. Материалы международной конференции, под ред. С.Г. Кляшторный, Ш.М. Мустафаев (Самарканд – Ташкент, 2009), с.96-119
77. Ростовцев М. И. Сарматы // ПАВ. 1993. Вып. 5.
78. Муса Сатаев. Здесь был Заратустра. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1073724300>
79. Симоненко А. В. «О периодизации сарматской культуры», Новочеркасск 1989. Конференция памяти академика М. И. Ростовцева. Скифия и Боспор (annales.info)
80. Симоненко А. В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // НАВ. 2010. Вып. 11.
81. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
82. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребение знати у с. Пороги). Киев. 1991.
83. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- 83а. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Доклад, представленный в качестве дисс. док. ист. наук. М., 1992.
84. Скрипкин А. С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3.
85. Служба «Каспийской Атлантиды» журн. «Вокруг света» 01 декабря 1978 года.
86. Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблемы контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. I.

- 87.Стурлусон Снорри. Сага об Инглинах. Пер. и примеч. С.Д.Ковалевского Средние века. Вып. 36. М., 1973. С. 238-264
- 88.Сыма Цянь Исторические записки. Восточная Литература гл.123. Примечание. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan
- 89.Толстов С. П. «Древний Хорезм» Отв. ред. М. Н. Тихомирова – Москва: Полиграфкнига,1948. – 450с.
- 90.Туаллагов А. А. К вопросу о происхождении ранних алан **STRATUM** +Петербургский археологический вестник 1997: e-anthropology.com <https://www.e-anthropology.com> > Katalog > Istoria > STM_DWL_p...
- 91.Туаллагов А. А. Ранние аланы: монография / А.А. Туаллагов — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. — 462 с. ISBN 978-91480-196-
- 92.Филипченко В.А., Курочкин Ю.В. Кремневые орудия с о. Кулалы. // Советская Археология. 1960. № 3. С. 277.
- 93.Хадикова А. Х. Аланы-осетины в российской и зарубежной историографии DOI: 10.23671/VNC 2019.72.35280 168 Известия СОИГСИ 33 (72) 2019
- 94.Хаин В.Е. «Геотектоническое развитие Юго-Восточного Кавказа», (Баку: Азнефтеиздат, 1950), 224с.
- 95.Хаин В.Е., Халилов Э.Н. «Пространственно-временные закономерности сейсмической и вулканической активности», (Burgas: SWB, 2008).
- 96.Халилов Э.Н. Глубинное строение и геодинамика Кавказско – Каспийского региона. /Под редакцией Академика РАН В. Е.Хаина/Science Without Borders. Москва – Иннсбрук, 2008, 169 с.
- 97.Халилова Т.Ш., Халилов Э.Н., «Тайна слияния двух морей. Историко-геологические исследования», (Мюнхен: «SWB» Publ., 2019), DOI: 10.25996/3863.2024.44.52.001.
- 98.Халилова Т.Ш. Как много в имени твоём, Гиперборея! – Инсбрук: SWB, 2022. – 418 с. Baku-Innsbruck: «SWB» Publ., 2022:418. (in Russ). DOI: 10.61726/4321.2024.13.29.001
99. Халилова Т.Ш. Древние плаванья по Каспийскому морю в античных источниках: Ясон и Пифей. Азиатская Академия Наук, SWB, Гонконг, 2025. 249 с.
- 100.Хенниг Рихард. «Неведомые земли» том 1. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961.
- 101.Хоу Хань Шу. Западный край. - Alanica www.alanica.ru/library/Houhanschi/Houhanschi.htm
102. Ходжаева Н. Д. Динамика развития географических представлений о Центральной Азии в древней и раннесредневековой Иранской традиции. Душанбе 2016

103. Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharen // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1917. Bd. 71. S. 347-389. S. 357
104. Шофанбэйчэн» Хэ Цю-тао. Энциклопедия Китая. ч.1., Дополнение из «Шофанбэйчэн», гл. 31.
105. Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.
106. Юсупов Х. «Древности Узбоя» (Ашхабад: Илым, 1986), стр.193
107. Яценко С.А. 1993. Аланская проблема и центрально азиатские элементы в культуре кочевников Сарматии 1-II вв. н.э. // ПАВ, №3.
108. Яценко С. А. Выступление // Кочевники евразийских степей и античный мир (Материалы дискуссии II-го археологического семинара). Новочеркасск, 1993 г.
109. Яценко С.А. 1993. Аланская проблема и центрально азиатские элементы в культуре кочевников Сарматии 1-II вв. н.э. // ПАВ, №3.
110. <https://www.inaktau.kz/news/3479998/>
111. <https://mytor.ru/bog-tor/veryu-boga-tora/> | Мой Тор
112. Климатический пессимум раннего средневековья Климатический пессимум раннего Средневековья — Википедия. Что такое Климатический пессимум раннего Средневековья
113. Нартские амазонки и сарматский «матриархат» ч. 1. www.iriston.com/nogbon/print.php?newsid=104.

Тамила Халилова

Академик Азиатской Академии Наук (ААН), Доктор философии по историческим наукам, Заместитель Председателя Научного Совета и Председатель Секции Гуманитарных Наук ААН, Директор Евразийского Инновационного Центра (КНР), Член Европейского Центра Исследований, образования и развития (Лондон).